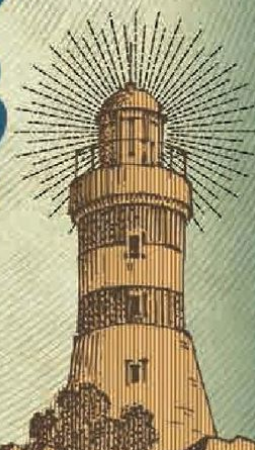

МЫ ВЗЛЕТАЕМ СНОВА

МАРИНА
ЯСИНСКАЯ

АВИАЦИОНЕРЫ
ЛЕСТНИЦА
ГЕРОЕВ

Авионеры

Марина Ясинская

Лестница героев

«РОСМЭН»

2020

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ясинская М. Л.

Лестница героев / М. Л. Ясинская — «Росмэн»,
2020 — (Авионеры)

ISBN 978-5-353-09441-8

Третья, заключительная книга серии «Авионеры» Марины Ясинской, победителя IX сезона литературного конкурса «Новая детская книга». Третий континент и его союзник нанесли Арамантиде поистине сокрушительное поражение: воздушный флот взят в плен, столица захвачена, всюду устанавливаются чужие порядки. Непокоренным остался лишь мыс Горн, и авионерам предстоит бои не на жизнь, а на смерть. Их так мало – решительных, героических авионер, а врагов – целая армада. Неужели это окончательный разгром великой Империи?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09441-8

© Ясинская М. Л., 2020

© Росмэн, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Марина Ясинская
Лестница героев
Роман

© Марина Ясинская, текст, 2020

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2020

Глава 1

Маленький Тайрек частенько задерживался возле витрины кондитерской «Феррош», чтобы поглазеть на выставленную на ней красоту. Коробки сладостей походили на произведения искусства, а изящно упакованные в них конфеты – на россыпь драгоценностей.

В тот раз он тоже остановился у витрины, хотя отец отправил его на рынок за молоком и хлебом и строго-настрого наказал не задерживаться. Тайреку казалось, что там, за стеклом, существует какой-то особенный, сказочный мир, мир зерен какао, сахарной пудры и ванилина, изюма, орехов и цукатов, в котором всем заправляет главная волшебница – мадам рей Рош. Ах, как бы он хотел стать ее помощником, когда вырастет!

Внутри кондитерской Тайрек заходил редко; мадам рей Рош не особенно жаловала праздных зевак, а позволить себе купить ее шоколад мог далеко не каждый. Сладости из кондитерской «Феррош» были роскошью и появлялись в семье Тайрека только по праздникам, да и тогда ему удавалось полакомиться лишь парой конфет – все остальное он украдкой передавал младшей сестре. Тайрек очень любил шоколадные конфеты, но то выражение бесконечного счастья, которое появлялось на перемазанном личике Иды, стоило того, чтобы отдать ей свою долю.

– Не подскажешь, какие конфеты здесь самые вкусные? – услышал Тайрек рядом с собой мужской голос.

На него с улыбкой смотрел незнакомый, хорошо одетый джентльмен. Тайрек никогда его раньше не видел. Не то чтобы он знал в лицо всех жителей их небольшого города; хотя на первый взгляд этот мужчина выглядел точно так же, как и все остальные джентльмены, – узкие брюки и стюртук, аккуратный узел шейного платка, ухоженные ногти и напомаженные волосы, было в нем что-то неуловимое, что выдавало приезжего. То ли необычный перстень с крупным зеленым камнем, то ли шелковая белая подкладка на черном фракном плаще... то ли слишком заметный загар на лице; бледность тогда была в моде, и джентльмены старались оберегать свою кожу от солнечных лучей.

– У мадам рей Рош все конфеты вкусные, – ответил Тайрек и непроизвольно сглотнул слюну.

Входная дверь кондитерской открылась, выпуская волны густого аромата свежего шоколада, а вслед за ним – модно одетую покупательницу со своим спутником, который с довольным видом держал в руках подаренный ему шоколад.

– Прямо-таки все? – с лукавой улыбкой переспросил незнакомец. Улыбка почему-то не отразилась в глазах, и это Тайрека несколько смущало.

– Не знаю, – тем не менее честно признался он. – Я не все пробовал.

– А какие именно ты еще не пробовал?

– Ну, например, трюфели в вафельной обсыпке, – вздохнул Тайрек. Трюфели появились у мадам рей Рош всего пару месяцев назад и сразу стали одним из самых популярных – и самых дорогих – лакомств кондитерской.

– Представляешь, я их тоже не пробовал, – признался незнакомец. – Предлагаю исправить это недоразумение.

Тайрек непонимающе нахмурился. Что значит «исправить»?

– Надо их попробовать, – пояснил джентльмен.

– Трюфели? – опешил Тайрек. – Но они же ужасно дорогие, а у меня нет денег...

– Пустяки, я угощаю, – заверил джентльмен, открыл дверь кондитерской и приглашающе взмахнул рукой. Перстень на пальце словно подмигнул своим зеленым камнем. – Идешь?

Робкая мысль о том, с чего бы это посторонний джентльмен вдруг вздумал угощать незнакомого мальчишку конфетами, да еще такими дорогими, уступила желанию попробовать заветное лакомство.

Несколько ошеломленный происходящим, Тайрек неуверенно зашел в кондитерскую вслед за незнакомцем. Тот тем временем спокойно протянул мадам рей Рош несколько монет и получил взамен небольшую бумажную коробочку. Быстрым движением сорвал крышку и протянул мальчику обсыпанный мелкой вафельной крошкой трюфель в крошечной узорной бумажной салфетке.

– Держи.

Тайрек тут же отправил конфету в рот – и зажмурился от удовольствия, когда вкус нежнейшего сливочного крема смешался со вкусом темной шоколадной глазури.

– Мм! – промычал стоявший рядом незнакомец, доедая свой трюфель. – Ты прав, конфеты действительно вкусные. Хочешь еще?

– А можно? – недоверчиво спросил Тайрек.

Вместо ответа джентльмен протянул ему еще один трюфель.

– Спасибо, – поблагодарил Тайрек и бережно зажал неожиданный подарок в ладони.

– Ты что же, не будешь его есть? – удивился незнакомец.

– Нет... Сестренке отнесу, – мотнул головой Тайрек.

– Какой хороший мальчик, – похвалил его джентльмен. Улыбка по-прежнему не отражалась у него в глазах, но сейчас Тайрека это уже не беспокоило; после такого роскошного подарка он проникся к незнакомцу симпатией.

А тот, похоже, тоже был настроен весьма дружески, потому что продолжил расспросы:

– Твоя сестра, наверное, младше тебя?

– Младше, – кивнул Тайрек. – Ей всего четыре, – добавил он с легким оттенком снисходительности, вполне позволительной с высоты своего девятилетнего возраста.

– И как ее зовут?

– Ида.

– Мм... Ты знаешь, а ведь я так и не знаю, как зовут тебя самого.

– Действительно, – доверчиво улыбнулся мальчик. – Меня зовут Тайрек.

– Тайрек?... – вопросительно произнес незнакомец, ожидая продолжения.

– Эр Трада, – поспешил исправиться мальчик. – Мое полное имя – Тайрек эр Трада.

– Очень приятно, – кивнул джентльмен, но сам в ответ представляться почему-то не спешил. – Ты же наверняка живешь где-то неподалеку?

– На улице Ночного Ветра, это всего в паре кварталов отсюда, – махнул Тайрек рукой, указывая направление.

– Что ж, спасибо, – поблагодарил его незнакомец и весь как-то подобрался, словно внезапно куда-то заспешил. – Ты мне очень помог.

– Правда? – удивился мальчик.

– Конечно. Если бы не ты, я бы никогда не попробовал самые вкусные шоколадные конфеты в городе.

Только дойдя до рынка, Тайрек понял, что так и не узнал имени незнакомца. Впрочем, какая разница? Когда случаются чудеса, вовсе не обязательно знать, кто именно за ними стоит; нужно просто принимать их с благодарностью.

Тайрек расплылся в улыбке. А уж как обрадуется Ида, когда он угостит ее трюфелем!

То, что случилось что-то нехорошее, Тайрек понял, едва только повернул на свою улицу. Все выглядело точно так же, как обычно, но непонятно откуда взявшееся предчувствие беды не проходило. Напротив, оно только усилилось, когда Тайрек увидел, что дверь в их апартаменты приоткрыта... и когда понял, что изнутри не доносится привычного щебета Иды.

– Папа? Мама? – позвал Тайрек, осторожно приоткрывая дверь и боясь, что ему никто не ответит.

Но ему ответили.

– Твою семью перевезли в безопасное место, Тайрек, – услышал он мужской голос, который показался мальчику смутно знакомым, и в кухонном проеме появился высокий темный силуэт.

Свет падал из-за спины, и Тайрек, как ни старался, не мог разглядеть лица незнакомца.

– В какое такое место? – спросил он дрожащим голосом.

– На родину твоей матери... На Третий континент.

Тайрек не сразу понял, что раздавшийся совсем рядом стеклянный грохот издала бутылка молока, которая разбилась, когда сумка с продуктами выпала у него из рук.

– Какую еще родину? – растерянно прошептал он.

– Тайрек, не глупи. Твоя мать – тайный агент Третьего континента.

Тайрек покачал головой, отказываясь верить в услышанное. Нет... Не может быть! Его мама, всегда такая добрая, пусть и строгая иногда, не могла быть шпионом!

А незнакомец продолжал говорить, то ли не замечая, что каждое его слово все больше разрушает мир Тайрека, то ли просто не обращая на это внимания.

– Она находилась здесь на задании: произвести на свет ребенка – урожденного гражданина Арамантиды, который впоследствии сможет пройти любую проверку и проникнуть в любое учреждение Империи. Тебя.

У Тайрека внезапно пересохло в горле. Слова незнакомца не до конца проникали в его сознание, сейчас мальчика больше всего на свете интересовало лишь одно.

– Я их еще увижу?

– Обязательно, – заверил незнакомец. – Если будешь хорошо на нас работать, то обязательно увидишь! Но тебе придется как следует постараться и делать все, что тебе говорят. Иначе...

Тайрек ощутил странное головокружение, стены родного дома словно расплылись и отступили на задний план, а пустота вокруг наполнилась постепенно нарастающим звоном, который поглощал все вокруг.

В этом потерявшем четкость мире Тайрек увидел, как к нему приблизился темный силуэт незнакомца и прямо перед глазами появилась рука, а на ней – перстень, который подмигнул ему зеленым камнем...

Тайрек открыл глаза и резко сел, ощущая, как часто бьется сердце. Сделал несколько ровных глубоких вдохов, стараясь его унять.

Головокружение отступало, по влажной от испарины спине пробежал озноб. Все хорошо. Он в камере, в арестантской на мысе Горн. Ждет, когда же его наконец позовут на допрос.

Когда мир вокруг принял четкие очертания и дыхание восстановилось, Тайрек снова лег на жесткий тюремный матрац. Воспоминания о ночном кошмаре все еще витали рядом, но,

пожалуй, впервые они не задевали его так сильно, как прежде. До недавних времен Тайрек считал тот день из далекого детства, когда он потерял свою семью, худшим в своей жизни.

Он ошибался.

* * *

Обычно через Шайрели в Патагон раз в день проходил рейсовый паробус; на нем добраться до мыса Горн можно было бы за несколько часов. Но падение Сириона словно парализовало всю Империю; казалось, что та лишилась не только правительства, но и таких обычных вроде бы вещей, как транспорт. В итоге путь, который в обычных условиях занял бы у Ники самое большее сутки, растянулся на несколько дней – непозволительно долго, учитывая обстоятельства.

Поначалу предстоящий поход Нику пугал: вдруг она свернет не туда или не сможет найти ночлег? Вдруг начнется вьюга и сделает дорогу непроходимой? А вдруг она наткнется на вражеский разъезд? Но стоявшие на перекрестках указатели не давали сбиться с пути, погода не спешила посылать снежные бури, а дороги были совершенно безлюдны, и беспокойство само собой поутихло. Зато его место заняли тревожные мысли о том, что сейчас происходит в Арамантиде. Смогли ли авионеры провести контратаку и вышибить врага из Сириона? А если нет, то что же будет дальше? Неужели Арамантида, великая и могущественная империя, правящая небом и миром, потерпела поражение?

Мыс Горн по-прежнему маячил где-то далеко впереди, а простое деление оставшегося до него расстояния на количество миль, которые Ника проходила за час, выдавало такие удручающие результаты, что в какой-то момент девушка решила просто перестать об этом думать и сосредоточилась лишь на том, чтобы переставлять ноги: шаг за шагом, шаг за шагом.

Бредя по заснеженной дороге и пряча лицо в поднятый до самых глаз вязанный шарф, Ника гнала от себя мысли о том, что, возможно, никакой летной базы на мысе Горн больше не существует.

Все три дня Нике везло: в первый вечер пути на перекрестке ей попала скрипучая телега, возница которой предложила переночевать у нее в доме, а в последующие вечера, на счастье девушки, ей встречались мобили, возницы которых подбрасывали ее до ближайшей придорожной станции паробусов, так что ночевать под открытым небом не пришлось.

Когда на четвертый день пути после обеда на горизонте показались силуэты Патагона, Ника испытала одновременно и облегчение – конец ее долгого пути уже близок! – и тревогу: что происходит в городе и на летной базе?

До окраины Патагона Ника добралась только к исходу дня, и сердце противно заныло. Город был цел – никаких следов бомбежки, – но он словно вымер. Не горели газовые фонари, не лился свет из окон ресторанов и трактиров, а на улицах не было видно ни мобилей, ни конок, ни людей. Всегда энергичный, даже по вечерам бурлящий жизнью, сейчас Патагон походил на призрак.

Ника шагала по безжизненным улицам, надеясь, что ближе к центру, на главной площади или у городской ратуши, она все-таки кого-нибудь встретит и попросит подвезти ее на базу. По сравнению с тем расстоянием, которое она уже прошла, оставшаяся часть пути была несущественна, и все же девушке очень хотелось быстрее оказаться на месте.

Добравшись наконец до главной площади Патагона, Ника увидела перед зданием городской ратуши группу людей с объемистыми рюкзаками и вещевыми мешками, перекинутыми за спины, и замерла. Кто это такие? На местных жителей они не похожи...

Ника настороженно приближалась, разглядывая незнакомцев, и тут один из них сделал шаг вперед, и она услышала хорошо знакомый ей женский голос:

– Николь рей Хок, не потрудитесь объяснить, какими ветрами вас сюда занесло?

А затем дама стянула закрывающий лицо шарф, и девушка ахнула от неожиданности:
– Мадам эр Мада!

* * *

Куда подевалась Ёр?

Ансель возвращался к этому вопросу снова и снова, потому что после того дня, когда Ёр вернула память Мие, а потом шокировала его, заявив, что она – сердце камня, юноша ее больше ни разу не видел.

Пожалуй, Ансель был готов к тому, чтобы решить, будто Ёр ему просто привиделась, если бы не одно «но»: Мия тоже видела Ёр. А значит, та и впрямь существовала. Получается, их разговор – тот странный, сумбурный разговор, породивший больше вопросов и неясностей, чем ответов, – ему не померещился.

«Что значит – сердце камня? – спросил Ансель тогда. – Хочешь сказать, ты – сердце летного камня? Но... как такое может быть?»

Вместо ответа Ёр только таинственно улыбнулась.

«Как ты можешь быть сердцем летного камня? У меня же нет аэролита!»

«Ты прав, аэролита у тебя нет», – загадочно подтвердила Ёр.

«Тогда я не понимаю...»

Ёр молчала, глядя на Анселя, как ему показалось, с легким сочувствием и снисходительностью.

«Пожалуйста, объясни!» – буквально взмолился тогда юноша.

Ему показалось, что Ёр в очередной раз промолчит, но через несколько долгих мгновений ее голос все-таки зазвучал у него в голове.

Правда, заговорила Ёр вовсе не о летных камнях.

«Ты видел сон про мужчину и женщину... – начала она. – Но это далеко не вся история. Хочешь знать, что было дальше?»

Честно говоря, Анселя куда больше интересовал вопрос камня и загадочной природы самой Ёр, но он кивнул; юноша понимал, что та все равно будет рассказывать ему лишь о том, что сама сочтет нужным. А так, глядишь, начавшийся разговор дойдет и до волнующих его вопросов.

«После того как мужчина упал в пропасть, а женщина присвоила его камень, она вернулась к себе домой. Женщина получила полеты, которые хотела она, и власть, которую жаждал мужчина. Так родилась Империя, которую вы называете Арамантидой. Однако женщина не знала, что мужчина выжил после страшного падения. Перед смертью он успел рассказать о том, что произошло, подобравшему его у скал рыбаку и заповедал вернуть то, что принадлежит мужчинам по праву, – *имперолит*, камень власти. Послание мужчины достигло его родных земель, которые вы называете Третьим континентом. Его соплеменники собрали войско, чтобы идти войной в земли женщины. Так началась война, которая продолжается до сих пор...»

Рассказ Ёр больше походил на легенду: ни дат, ни имен, ни конкретики. Но Ансель почему-то не сомневался, что это – правда, от начала до конца.

Молчание затягивалось, и Ансель понял, что продолжения не будет.

«Если женщина принесла с собой только один аэролит, откуда взялись остальные?» – спросил тогда он.

«Первый летный камень породил себе подобных, ведь женщина просила полетов не только для себя, но и для всех».

«А камень власти? Он тоже породил себе подобных?»

«Нет, имперолит остался один, ведь мужчина просил власти только для себя».

«И что же, он по-прежнему существует?» – уточнил Ансель, сам не до конца веря в то, что говорит. Наверняка имперолит – это всего лишь иносказание, красивая метафора, к которым так любят прибегать легенды, а вовсе не реальный камень.

Однако Ёр медленно кивнула, и Ансель почувствовал, как сердце пропустило удар.

Он никогда не думал, что в мыслях можно говорить шепотом. Но именно так у него и вышло – шепотом:

«И где же он сейчас находится? По-прежнему в Арамантиде?»

Ансель ждал ответа затаив дыхание, но получить его не успел: по базе разнесся низкий, отдающий неприятной дрожью в ушах сигнал общего сбора. Устав требовал явиться на этот сигнал немедленно, и, как бы Анселю ни хотелось продолжить разговор с Ёр, выбора у него не было. Бросив полный сожаления взгляд на загадочное существо с Седьмого Неба, механикер побежал к командному пункту.

В дверях штаба уже стояла генерал эр Спата.

– Наш союзник в войне с Третьим континентом совершил страшное предательство, – без предисловий обратилась она к собравшимся. – Морской флот Винландии захватил в плен все летные и наземные войска Арамантиды, которые мы перевозили на их кораблях.

Анселю показалось, что земля в буквальном смысле зашаталась у него под ногами, уж слишком ошеломляющей оказалась эта новость, и мозг просто отказывался ее принять. Арамантида осталась без армии?

Беседа с Ёр тут же отошла на второй план, а последовавшая затем новость о падении Сириона настолько оглушила и ошеломила, что несколько дней Ансель даже и не вспоминал о загадочном существе с Седьмого Неба.

Лавиной навалились новые тревоги: что теперь будет с ними, с мысом Горн и со всей Арамантидой? Как отражать участившиеся атаки на границе, как успевать чинить поврежденные авионы? И куда, во имя ветров, подевался Тайрек? А тут еще Ника до сих пор не вернулась с последнего задания...

О Ёр Ансель вспомнил лишь несколько дней спустя и даже предпринял пару попыток найти ее на базе, но они не увенчались успехом. А расспрашивать остальных он не стал – хотя бы потому, что просто не знал, как сформулировать вопрос. «Не видели ли вы существо, очень похожее на монкула, но не монкула?»

В любом случае Ёр пропала, и Анселю оставалось лишь гадать, кто же она такая и увидит ли он ее когда-нибудь еще. А еще – правду ли она ему рассказала про то, как началась война между Арамантидой и Третьим континентом, и если да, то где он, этот могущественный имперолит?

* * *

Мадам эр Мада времени даром не теряла, быстро взбежала по ступеням крыльца элегантного особняка, стоявшего сбоку от ратуши, и с силой заколотила кулаками в дверь.

– Мадам мэр, немедленно открывайте! Сейчас не время отсиживаться за закрытыми дверьми, тем более что безопасность они дают весьма иллюзорную. Откройте эту треклятую дверь и внесите свой вклад в оборону нашей Империи!

Через несколько мгновений входная дверь слегка приоткрылась.

– Майор эр Мада! – донеслось тихое восклицание из темного проема, и на пороге появилась мэр собственной персоной.

Удивившаяся было поначалу Ника запоздало сообразила, что, разумеется, мэр знает прославленную авионеру! Прежде чем возглавить летную школу в столице, мадам эр Мада провела несколько лет на мысе Горн.

– Я привела подкрепление, и нам срочно требуется транспорт, – деловито сообщила мадам эр Мада.

Ответа мэра Ника не услышала, потому что кто-то осторожно потянул ее за рукав, и она услышала еще один знакомый голос:

– Ника! Неужели это и правда ты?

Девушка обернулась и увидела позади себя... Вильму! А за ней стояли еще несколько ее бывших однокашниц!

– Как видишь, – подтвердила Ника, ощущая, как против воли расплывается в улыбке. Она никогда не питала теплых чувств к Вильме, не раз изводившей ее насмешками, да и с другими ученицами не была особенно близка, но, разрази ее гром, как же она была сейчас рада их видеть!

Вильма, похоже, испытывала схожие чувства, потому что, к полной неожиданности Ники, порывисто ее обняла. А остальные однокашницы смотрели на Нику с каким-то особенным выражением, значение которого девушка пока не могла понять... Впрочем, сейчас было не до этого.

– Как вы здесь оказались?

– Мы сбежали! Третий континент сразу же взял под контроль все аэродромы и арестовал большинство авионеров, находившихся в столице, но мадам эр Мада чудом сумела нас вывести... и вот мы здесь.

Ника обвела взглядом девушек. Неужели здесь весь ее класс в полном составе?

Вильма словно услышала ее мысли и вздохнула.

– Нет, нас тут чуть больше половины. Ну и несколько летных инструкторов и механикер из школы и Конструкторской.

– А остальные? – спросила Ника, страхась услышать худшее.

– Кто-то погиб во время побега. Кто-то с самого начала не захотел рисковать и остался в Сирионе. А некоторые... – Девушка сглотнула и едва слышно прошептала: – Некоторые решили сотрудничать с Третьим континентом.

Ника глубоко вздохнула. Авионеры – гордость Империи. Лучшие из лучших. Мысль о том, что некоторые из них способны на предательство, просто не укладывалась в привычную с детства картину мира.

Что ж, вероятно, так и познается истинная сущность авионеры – да и вообще любого человека; именно в экстремальных ситуациях, когда на кону твоя собственная жизнь, ты показываешь свое настоящее лицо.

– А как дела на мысе Горн? – вырвал девушку из печальных размышлений голос Вильмы.

– Не знаю.

– Как не знаешь? А нам сказали, что тебя отправили туда на службу...

– Меня и отправили, – подтвердила Ника. – Просто меня не было на базе, я отвозила в столицу замкомандующую летной базы, а на обратном пути ввязалась в воздушный бой, и мой авион сбили...

Во взгляде Вильмы появилось то же самое выражение, что и в глазах других девушек, и Ника наконец-то поняла его значение! А вернее сказать – узнала. Когда-то точно так же она сама смотрела на авионера мыса Горн – с восторгом и восхищением, ведь она видела перед собой героиню, о подвигах которых читала в газетах.

И хотя себя Ника героиней не считала, в глазах своих бывших однокашниц она все равно была окружена тем особым ореолом, который отличает авионера, а особенно – боевых авионеров, от всех остальных.

– Тебя сбили! – ахнула Вильма. – Но как же ты...

Договорить она не успела, потому что раздалось рычание моторов, и на площади появилась цепочка мобилей, готовых отвезти их на летную базу.

* * *

Тайрек в сотый раз прошелся по камере взад-вперед и в очередной раз убедился, что в ней ровно десять шагов в длину и семь – в ширину.

Подойдя к двери, он обеими руками схватился за решетку, тщетно попытался потрясти и, вновь удостоверившись, что та не поддается, приник к прутьям и закричал:

– Эй, кто-нибудь! Слышите меня? Отведите меня к генералу! У меня важные сведения! Э-эй!

Не так, совсем не так Тайрек представлял себе последствия своей явки с повинной к генералу эр Спата. Он был уверен, что, как только следовательницы Гардинарии соберут на него все данные, тут же начнутся допросы, но почти сразу все пошло не по плану. Его отвели в камеру в арестантской – и словно забыли о нем.

Прошла уже почти неделя, а к Тайреку не пришли ни из Гардинарии, ни конвой из штаба, ни даже Делла. Впрочем, последнее его не удивляло; Тайрек полагал, что адъютанта генерала, узнав, что связалась со шпионом, могла и сама попасть под подозрение. А если даже и нет, то она наверняка сейчас делает все возможное, чтобы держаться от него как можно дальше. И это неудивительно, ведь, по сути, их связывал только голый расчет: адъютанта была нужна Тайреку для доступа к информации, а он ей – чтобы развеяться и потешить свое самолюбие.

Словом, единственными людьми, которых за последние дни видел Тайрек, были караульные – суровые, молчаливые, крепкие дамы неопределенного возраста. Они появлялись три раза в день с водой, едой и свежими бинтами. На все вопросы Тайрека караульные отвечали молчанием. И даже хваленое обаяние юноши, которое до сей поры работало безотказно, разбивалось об их безразличие, словно волна о гранитную набережную. Многозначительные взгляды, забавные шутки, льстивые замечания и красочные комплименты – весь арсенал Тайрека оказался бессилем.

Что же такого произошло, что командование забыло об обнаруженном в самом сердце их базы вражеском лазутчике?

Вывод напрашивался сам собой: похоже, удар Третьего континента по Сириону прошел успешно, и сейчас военное руководство мыса Горн слишком занято другими делами, настолько серьезными, что они полностью затмевали поимку вражеского шпиона – событие, которое в иных условиях вызвало бы самое пристальное внимание.

Вздыхнув, Тайрек поднял пустую железную миску из-под супа и принялся методично колотить ею по прутьям решетки. Противный звук, который он извлекал в результате этого незамысловатого действия, вонзался прямо в мозг и заставлял самого Тайрека морщиться, но это был проверенный метод, который воздействовал даже на его каменных конвойных.

Нехитрый прием подействовал и на этот раз; поняв, что пленник собирается колотить по прутьям до тех пор, пока на шум кто-то не явится, у дверей камеры Тайрека показалась одна из конвойных.

– Миску, – протянула она руку.

Тайрек тут же отступил на шаг от решетки и обаятельно улыбнулся. Пускай его улыбка здесь еще ни разу не срабатывала, но ведь никогда не знаешь, в какой момент тебе повезет, а потому надо продолжать пытаться.

– Как я рад вас видеть, мадам! – с максимальной радостью, на которую он только был способен, выдал Тайрек. – Мне очень не хватало вашего чудесного общества!

Ударный залп обаяния, выпущенный юношей, прошел мимо цели.

– Миску, – повторила конвойная и положила руку на кольцо с ключами, недвусмысленно давая понять, что если узник не выполнит ее просьбу добровольно, то она просто позовет подмогу, откроет камеру и заберет желаемое силой.

– Я буду счастлив удовлетворить и эту, и любую другую просьбу такой очаровательной и красивой дамы, как вы, – торопливо выпалил Тайрек, – но могу я взамен попросить вас о крохотной любезности?

Конвойная бросила на него обвиняющий взгляд; льстивый комментарий о ее красоте и очаровании даму явно не впечатлил. А может, она просто здраво себя оценивала и понимала, что уж чего-чего, а вот очарования и красоты за ней не водилось.

– Я прекрасно понимаю, что я не в том положении, чтобы просить о личных одолжениях, но мне почему-то кажется, что вы, как сознательная гражданка Империи, переживаете за судьбу своей страны и поэтому все-таки выполните мою просьбу, – решил попробовать другую тактику Тайрек.

И не прогадал – пожалуй, впервые конвойная взглянула на него, а не сквозь него.

Воодушевленный крошечным успехом, юноша решил сразу выложить свою самую сильную карту.

– У меня есть важная информация, которая может помочь Арамантиде справиться с Третьим континентом. Уверен, мадам генерал захочет ее услышать. Особенно сейчас, когда враг захватил Сирион, – наугад добавил Тайрек напоследок.

Конвойная молча развернулась и ушла, и было совершенно непонятно, поверила она узнику или нет и передадут ли его послание генералу.

Вздыхнув, Тайрек отошел от двери, сделал пару кругов по тесной камере, а затем опустился на тощий матрац на полу и приготовился ждать.

* * *

Ника поймала себя на мысли, что с момента начала службы на мысе Горн она побывала в кабинете генерала эр Спата больше раз, чем иные авионеры за долгие годы. Но что поделать, если она постоянно влипала в какие-то истории?

Вот и сейчас, едва вернувшись на базу, девушка вновь оказалась в штабе. Сначала мадам эр Мада докладывала о последних событиях в Сирионе: о захвате Третьим континентом авиодромов и железных дорог, об аресте всех важных чиновниц правительства, о занявшем город вражеском десанте и, наконец, о том, как ей удалось вывести учениц летной школы из города.

А потом настал черед Ники, и чем дольше она пересказывала события последних дней, тем некомфортнее ей становилось. Это было даже хуже, чем в тот самый первый раз, когда она ожидала, что генерал накажет ее за самовольный полет на «Грозе». Тогда взгляд генерала был непроницаем, сейчас же в ее глазах читалось откровенное осуждение – как и в глазах командиров эскадрилий. И даже майор рей Данс, обычно всегда поддерживавшая своих авионер, на этот раз тоже неодобрительно молчала.

– Итак, подытожим, – медленно произнесла генерал эр Спата. – Николь рей Хок улетела с Окракока, оставив рей Дора в заложниках у пиратов.

– Но он... – начала было Ника, собираясь повторить, что авионер сам так решил... Хотя слишком сильно упираться на этот момент она боялась, чтобы командование не заподозрило Тристана в предательстве.

Однако главнокомандующая прервала ее властным жестом.

– Причины, по которым рей Дор остался с пиратами, мы сейчас не обсуждаем. Далее, вы не доставили замкомандующую лин Монро на базу, как вам было приказано, а отправились в Сирион, нарушив тем самым не только мое распоряжение, но еще и правила безопасности, требующие обязательного отдыха между длительными перелетами, – продолжала перечислять Никины проступки генерал. – Оставим сейчас и причины, по которым замкомандующей взбрело в голову немедленно лететь в столицу. Наконец, на обратном пути на базу вы поте-

ряли – в такое критичное для нашей Империи время! – «Грозу», самый мощный боевой авион Арамантиды.

Ника опустила голову. Если оставить лишь голые факты, то да, все было именно так, как сказала генерал. Да она и сама уже не раз корила себя за случившееся. Надо было хотя бы попытаться вытащить Тристана! А она просто оставила его в руках пиратов и улетела! Точно так же, как улетела из столицы от своей лучшей подруги, оставив ее в беде! И не стоило слушаться лин Монро! Был же четкий приказ генерала возвращаться на базу!

А дальше одно вытекало из другого. Если бы Ника не отправилась в Сирион, то не потеряла бы «Грозу»! Но раз уж она сделала такую глупость и наперекор здравому смыслу полетела в столицу, то не надо было ввязываться в тот бой с авиолетами! Следовало понять, что целая и невредимая «Гроза» куда важнее для Империи, чем пара попавших в беду авионов. Но Ника все равно решила вмешаться, хотя прекрасно понимала, что враг значительно превосходит их числом и что она – не Тристан, у нее нет его опыта и навыков, чтобы рассчитывать на успех при таком непростом раскладе!

Ника злилась на себя. Получается, раз за разом, на каждом шагу она делала неверный выбор, совершая одну непростительную ошибку за другой... Хотя в те моменты ей казалось, что она поступает правильно. Но сейчас, когда генерал холодно и сухо перечислила все проступки Ники, картина получилась крайне неприглядная.

Тишина становилась невыносимой, но девушка не поднимала головы, обреченно ожидая своего приговора. Впрочем, сейчас никакое наказание ее не страшило. Арестуют ли ее или вовсе вышвырнут с базы – все это меркло по сравнению с осознанием того, что это *из-за нее* база лишилась и Тристана, и «Грозы»...

– Ну, и что нам с ней делать? – раздался наконец голос главнокомандующей, и Ника поняла, что та обращается к командирам эскадрилий.

– Мадам генерал, позвольте высказаться мне, – первой заговорила директриса летной школы, и Ника глубоко вдохнула, собираясь с силами.

Девушка не ждала от мадам эр Мада ничего хорошего, ведь та много раз недвусмысленно давала понять, что Нике не место среди авионер, и не раз досадовала, что ее аэролит не достался какой-нибудь другой, более подходящей девушке из уважаемой, проверенной семьи. И что самое ужасное, получается, директор школы была права, когда говорила о том, что Ника – недостойная кандидатура в авионеры!

– Безусловно, за свои необдуманные действия рей Хок заслуживает самого сурового наказания, – холодно продолжила мадам эр Мада. – Даже если сделать скидку на ее неопытность и на чрезвычайные обстоятельства, многие ее решения остаются непростительными. Совершенно очевидно, что стоило бы созвать военный трибунал, и я уверена, он бы вынес самый суровый приговор.

– Вплоть до лишения летного камня, – вмешалась майор рей Фол, и земля ушла из-под ног Ники. Неужели ее лишат аэролита? Хуже наказания и придумать нельзя!

– Однако я считаю, что в нынешних условиях мы не можем позволить себе разбрасываться авионерами, – продолжила мадам эр Мада. – Каждая, даже самая неумелая, на счету.

Сердце девушки пропустило удар. Нике очень хотелось взглянуть на других командиров, чтобы угадать по выражению их лиц, о чем они думают. Но она слишком боялась того, что может увидеть.

– Согласна, – после изнурительно долгой паузы поддержала директрису майор рей Данс.

– Согласны, – откликнулись командиры Стрел и Тени.

– Пожалуй, – нехотя присоединилась к ним командир Гранита.

– Рей Хок!

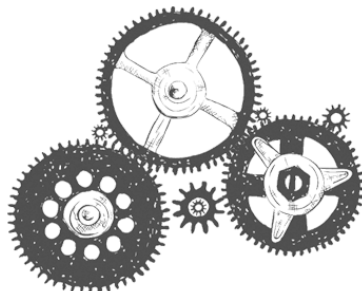
Ника вздрогнула, вытянулась по струнке и уставилась на генерала.

– Вы остаетесь в Танго. Но вам категорически запрещено взлетать. Во всяком случае, без прямого на то приказа начальства. Все ясно?

– Так точно, мадам генерал! – словно в полусне отчеканила Ника.

– Свободны, – устало кивнула генерал, и Ника на негнущихся ногах вышла в приемную. От накотившего облегчения закружилась голова. Ее не лишат летного камня. И даже не арестуют...

Глава 2

Услышав подозрительный шум за окнами, Агата осторожно отодвинула штору и выглянула наружу.

По пустынной улице с грохотом ехало необычное сооружение, нечто среднее между велосипедом и автомобилем. В нем сидели вооруженные солдаты в чужой форме.

Агата вздрогнула. Прошло уже несколько дней, а она все не могла привыкнуть к мысли, что Сирион захвачен Третьим континентом. К запаху вареной капусты и то привыкла, а к этому – никак!

Когда военный патруль проехал, Агата закрыла штору, уселась на скрипучую кровать и задумалась о том, сколько в ее жизни произошло важных перемен за такой короткий срок. Из уютного родного дома и самой обычной гимназии в провинциальной Кибири – в бедненькие, но чистенькие апартаменты Шатров и скандальную бульварную газетенку. Из цирковых апартаментов и «Столичного экспресса» – в запрещенную газету Либерата и подпольную штаб-квартиру шпионов. А из штаб-квартиры – на улицу, без денег и крыши над головой... И, как вскоре оказалось, без свободного Сириона.

Последнее до сих пор было особенно трудно принять. Тихо ускользнув из парка Ржавых Каруселей рано утром после бурного разговора с Кирби накануне, Агата бесцельно слонялась по улицам, гадая, где ей укрыться и от властей – ведь она наверняка до сих пор в розыске Жан-дармерии, – и от вражеских агентов и их информаторов. И поначалу на доносящийся издали грохот она не обращала внимания. Мало ли, может, какие-то строительные работы. Или гроза... Хотя – какая гроза зимой?

И лишь позже, когда грохот стал громче и в нем отчетливо прорезались пулеметные очереди, Агату осенила догадка: да это же звуки самого настоящего воздушного боя! Во всяком случае, в синема-лентах они звучали именно так!

Но где стреляют и – самое главное – кто?

Уже не беспокоясь о том, что ее кто-то узнает, Агата, как и многие другие жители города, забралась на крышу одного из домов и увидела, что в небе к востоку от Сириона разворачивается грандиозная битва...

Девушка стиснула кулаки и напряженно наблюдала за происходящим. И не могла поверить своим глазам: вражеская воздушная армия была огромной и в разы превосходила силы защитников столицы. Но как они оказались возле Сириона? Ведь новостей о прорыве на мысе Горн не было!

Охватывающую жителей города панику Агата ощущала почти физически. За всю историю Арамантиды, даже до эпохи Полетов, Сирион ни разу не оказывался в руках врага, поэтому даже сейчас все до последнего ждали чуда, уверенные, что вот-вот появятся еще несколько эскадрилий авионов и переломят ход боя. Обязательно появятся, ведь Арамантида – самая мощная Империя в мире, она никогда не проигрывает!

Но когда последний авион был сбит, Агате пришлось принять обрушившуюся на нее и остальных жителей столицы реальность, хотя мозг просто отказывался поверить в случившееся. Сирион *не мог* пасть!

Оказалось, еще как мог...

Инстинкт самосохранения требовал от Агаты бежать и прятаться от неведомой опасности. Однако девушка не представляла, куда ей податься. Денег на гостиницу или доходный дом у нее не было. В апартаменты, где они жили с Никой, хозяйка ее вряд ли пустит, напуганная визитом Жандармерии. В приюты для бездомных? Агата поежилась. Переночевать на вокзале? Но как только войска Третьего континента займут город, то его захватят одним из первых, вместе с остальными ключевыми объектами Сириона. Вернуться в Кибирь к родителям, где ее без всяких сомнений примут... Заманчивый выход, но у нее по-прежнему нет денег, чтобы заплатить за проезд. К тому же рейсовый паробус в Кибирь по расписанию отбудет только послезавтра.

Агата грустно вздохнула. Как же так вышло, что после стольких месяцев жизни в Сирионе у нее нет друзей, к которым она могла бы обратиться в такую отчаянную минуту? Хотя... Тайрек, сосед приятеля Ники, с которым она болтала на празднике Воздушных Шаров, упоминал, что они с Анселем снимают комнату в Пестром квартале. Помнится, он еще говорил, что из окна можно углядеть шпиль Облачной ратуши, и, комично наморщив нос, жаловался, что домоправительница постоянно потчует жильцов ужасной вареной капустой.

Удручающе мало сведений для поиска в довольно-таки большом районе, но других вариантов у Агаты не было. Так что вскоре девушка торопливо шагала по пустынным улицам Пестрого квартала, обращая внимание на все здания выше трех этажей, окна которых смотрели бы в сторону центра столицы. Таковых оказалось не так уж и мало, и, проходя мимо очередного дома, отвечающего этим нехитрым критериям, Агата почувствовала, как ее охватывает отчаяние. Она ни за что не найдет здесь Тайрека!

... Девушку остановил сильный запах вареной капусты. Агата замедлила шаг и окинула внимательным взглядом здание, откуда доносился этот аромат. Пять этажей, одна из сторон обращена к центру города. Неужели оно?

Дверь на стук открылась не сразу, да и то хозяйка доходного дома лишь высунула нос в узкую щелку:

– Чего надо?

– Здравствуйте. Извините за беспокойство. Вы не подскажете, Тайрек эр Трада здесь живет?

– Уже нет, – довольно нелюбезно ответила дама.

Сердце Агаты упало. Вот и все. Она нашла нужный дом, но ей это не поможет.

Заметив растерянный вид девушки, домовладелица открыла дверь чуть пошире:

– А вы ему кем приходитеесь?

– Я... – Агата на миг замялась. – Тайрек – мой кузен. Видите ли, я давно собиралась перебраться в столицу и некоторое время назад отправила ему письмо с просьбой помочь снять мне жилье на первое время, – вдохновенно соврала она. – Но я не знала, когда именно приеду, и мой кузен предложил пожить некоторое время у него. Недавно я получила работу в одной из столичных газет и отправила ему телеграмму, что сегодня приезжаю. Тайрек не ответил, но я не беспокоилась, ведь адрес у меня есть. И вот сегодня утром я вышла на станции, а в городе творится что-то странное...

– Ох, и не говорите! Ужас что творится! – закивала хозяйка дома и внезапно распахнула дверь. – Да вы входите, входите, на улице же так холодно!

Обнадеженная реакцией домовладелицы, оказавшейся полноватой неопрятной дамой в очках и с фальшивыми каштановыми кудрями, Агата зашла в теплое помещение, пропахшее вареной капустой. Хозяйка проводила ее в свои апартаменты на первом этаже, усадила за стол

на кухне и предложила чаю, который девушка с благодарностью приняла. Чай немного отдавал капустой, но главное – он был горячим. А еще на столе стояла вазочка с печеньями, и здорово проголодавшейся Агате они показались настоящим деликатесом.

Честно признаться, забота домовладелицы девушку немного удивила. Конечно, умом она прекрасно понимала, что нельзя делать выводы о характере людей по их внешности, и все же Агата решила, что хозяйка доходного дома – грубоватая, бесцеремонная и бесчувственная, привыкшая криком наводить порядок среди своих не самых благополучных постояльцев.

А домовладелица тем временем тоже присела за стол, привычным жестом проверила, не съехали ли фальшивые кудри, подперла щеку рукой и покачала головой.

– Да, в неудачное время вы приехали в столицу, милочка. Кто мог подумать, что враг зайвится прямо сюда? Что теперь будет – и ума не приложу! Бой-то закончился, и, похоже, наших авионер побили...

– Скажите, а как давно переехал Тайрек? – перебила Агата. Судьба столицы и Империи, конечно, очень важна, но крыша над собственной головой для нее сейчас куда насущнее.

– Да уж с конца ноября, – ответила домовладелица. – Они сразу оба пропали, и Тайрек, и его сосед. Сосед, правда, забежал на минуту вещи собрать, говорил, что улетает на мыс Горн. Врал, наверное, – что джентльмену делать на мысе Горн? Ну и Тайрек ваш на следующий день тоже исчез.

– Тайрек, Тайрек... – вздохнула Агата. – А я так рассчитывала на его помощь! Мне же жить негде. А на вокзале еще и кошелек вытащили – представляете, какие люди? Город атакуют враги, а они по карманам приезжих шарят!

– Бессовестные! – разделила фальшивое возмущение девушки домовладелица.

– Меня, конечно, предупреждали быть осторожной, говорили, что в столице совсем не так, как в нашей Кибири, – продолжила Агата, вживаясь в роль наивной провинциалки, – но я, признаться, была уверена, что люди просто сгущают краски. Думала, главное – добраться до места, а там уж кузен мне поможет...

Агата замолчала. Сейчас ей даже не приходилось притворяться расстроенной и растерянной, она действительно так себя чувствовала!

– Можно, конечно, попросить аванс у редакции газеты, где я буду работать, – задумчиво, словно размышляя вслух, протянула девушка, – но будет ли вообще теперь выходить газета?

– Хороший вопрос, – сочувственно закивала домовладелица, сняла очки и, подышав на них, протерла краем заляпанного фартука.

– И домой пока не вернуться, – продолжила рассуждать Агата. – Наверное, сейчас все поезда встали, никуда не ходят! Н-да, весело... – грустно вздохнула она. – Денег нет, крыши над головой нет, кузен куда-то пропал... Съездила в столицу называется!

Агата бросила взгляд в окно, и ее глаза расширились, когда она увидела, как над крышами домов величественно проплывает баллон зепеллина. Вид этого чужого, хищного летного аппарата заставил девушку вздрогнуть, напомнив о том, что произошло.

Видимо, не по себе стало не только Агате, но и хозяйке дома, потому что та, проследив за взглядом девушки и увидев вражеский летный аппарат, обхватила себя руками и покачала головой. А затем вдруг предложила:

– Вот что, ты можешь пока пожить в бывшей комнате своего кузена.

– Вы серьезно? – обрадовалась Агата и не думая отказываться. Именно на это она изначально и надеялась, на ходу придумывая свою душещипательную историю. – Спасибо, вы меня просто спасаете...

– Пустяки, милочка. Кстати, ты можешь звать меня мадам эр Кебба.

– Агат... – Девушка запнулась. Что, если мадам эр Кебба видела плакаты «Их разыскивает Жандармерия» и запомнила ее имя?

Притворившись, что она просто закашлялась, Агата протянула хозяйке руку:

– Санна рей Мик.

– Очень приятно, – улыбнулась мадам эр Кебба и, порывшись в переднике, протянула ей ключ. – Пятый этаж, первая дверь слева. Комната небольшая, но все самое необходимое в ней имеется.

– Я просто не знаю, как вас благодарить! – совершенно искренне воскликнула девушка.

– Не думай об этом, – отмахнулась мадам эр Кебба. – Похоже, впереди тяжелые времена, так что надо помогать друг другу. А в семь спускайся на ужин. Сегодня будет тушеная капуста.

* * *

Когда примчавшуюся на всех парах в Министерство полетов мадам лин Монро арестовали, она думала, что ее немедленно бросят в тесную маленькую камеру, кишашую крысами, или даже в вырытую прямо в земле яму, закрытую сверху решеткой, – словом, поместят в отвратительное, темное и мрачное место вроде тех, которые обычно готовила команда синематоров для съемок приключенческих лент.

Лин Монро никак не ожидала, что ее приведут в один из уютных залов собраний министерства и просто оставят там вместе с другими арестованными.

Министра полетов Грегу рей Гран, высокую, сухощавую даму в возрасте, со строгим пучком седых волос и жесткими линиями скул, Эва увидела сразу же. Но прежде чем успела сказать хоть слово, та первой к ней обратилась:

– Мадам лин Монро, а вы-то что здесь делаете? Вас же вроде откомандировали на мыс Горн?

– Я там и была, мадам министр, – ответила Эва, ощущая невольный трепет. Это было новое для нее чувство; обычно все трепетали при виде ее, звезды синемы, а не наоборот. – Но во время одного из воздушных боев меня затянуло в полосу циклонов и выкинуло на Окраоке, где я попала в руки пиратов, – ловко переплетая правду, приукрашенную правду и откровенную ложь, продолжила она. – К счастью, вскоре меня освободили, и я сразу полетела сюда.

– Зачем?

– Э-э...

Мадам лин Монро задумалась. Она не знала, как выразить словами тот неожиданный порыв души, который охватил ее, когда она поняла, что Тристан, тот самый ненавидимый ею Тристан добровольно остается у пиратов вместо нее.

Эва давно привыкла к тому, что ею, звездой синемы, восхищались, ей поклонялись, считали настоящей героиней и признавались в любви. Но она сильно сомневалась, что кто-нибудь из ее многочисленных поклонников обменял бы свою свободу на ее.

А вот рей Дор обменял. Не мешкая и не сомневаясь. Тот самый рей Дор, которого она терпеть не могла и никогда этого не скрывала!

Почему он пошел на это?

Ответ напрашивался сам собой: рей Дор понимал, как важна лин Монро для Арамантиды. И потому поступил так, как должно, а не как хотелось.

Впечатляющее проявление гражданского долга, да еще в столь непростой ситуации, затронуло Эву до самой глубины души – и в ней что-то перевернулось. Если даже такой хам и бунтарь, как рей Дор, понимает, что в тяжелые времена каждый должен отдать всего себя ради победы, то уж она, народная героиня, тем более обязана это сделать! Поднять боевой дух жителей Арамантиды, вдохновить людей на борьбу с врагом – вот ее миссия!

Именно поэтому, вместо того чтобы возвращаться на мыс Горн, лин Монро приказала Нике доставить ее в Сирион. И едва «Гроза» остановилась на летной полосе, Эва выскочила наружу и немедленно отправилась в Министерство полетов. Она попросит министра собрать

жителей города на площади Первого Полета, обратится к ним с речью, поделится своим собственным новообретенным пониманием долга перед страной – и вдохновит их на подвиги.

Новая цель полностью поглотила Эву. Она была настолько погружена в свои мысли, так тщательно продумывала речь, с которой обратится к жителям Сириона, что не замечала ничего вокруг. Она не обратила внимания на то, как необычно пусты улицы, и, мимолетно удивившись, что не видно ни трамваев, ни паробусов, просто продолжила путь пешком. Даже отдаленному грохоту она не придала особого значения.

И только когда лин Монро вошла в здание министерства, она наконец заметила, что происходит нечто странное. В разгар дня в коридорах всегда стоял тихий гул, сновали туда-сюда мелкие клерки, доносился стук печатных машинок, торопились на собрания чиновницы и авионеры. Сейчас же в опустевших холлах царила неестественная тишина. А когда в коридоре, ведущем к кабинету министра полетов, Эве преградили дорогу вооруженные мужчины в незнакомой военной черно-красной форме и заявили, что берут ее под арест, она с ужасом начала понимать, что произошло. Сирион захвачен!

– Так что привело вас в столицу? – повторила свой вопрос мадам рей Гран.

– Желание помочь, – совершенно искренне ответила Эва. – Я узнала о беспорядках и решила, что тут я буду нужнее, чем на мысе Горн. Мыс Горн, знаете ли, и так крепко стоит на ногах, я об этом позаботилась, – с оттенком гордости добавила она.

– Боюсь, сейчас ваши способности нам уже не помогут, – с легкой досадой произнесла министр.

– Все так плохо? – непроизвольно понизив голос, спросила лин Монро, сама не зная зачем, ведь ответ и так был очевиден.

– Ну, как сказать, – криво усмехнулась мадам рей Гран. – Сирион захвачен врагом, оборона разгромлена, а нам предложили капитуляцию. Публичную, на глазах у всех жителей города, чтобы все увидели, что власть *законно* переходит в другие руки. А если мы откажемся, то... – Министр пожала плечами. – Нам довольно прозрачно намекнули на публичную казнь.

Эва растерянно оглядела всех собравшихся в зале высокопоставленных чиновниц министерства, пытаясь понять по выражениям их лиц, о чем те сейчас думают.

Летя в Сирион, мадам лин Монро была переполнена решимости поднять весь народ Империи на борьбу, собиралась раскрыть перед толпой свою душу, отдать свое сердце, лишь бы зажечь в них огонь. Но сейчас ее порыв никому не нужен, сейчас уже слишком поздно.

Конечно, подвиг еще можно совершить, демонстративно отказавшись от капитуляции, да только слишком высока за него цена. Как никто другой, Эва знала, что героические смерти хороши лишь в лентах синемы. Одно дело – геройствовать понарошку, и совсем другое – понастоящему, с риском быть убитой. Смерть – это так окончательно! А если они погибнут, кто тогда будет освобождать Арамантиду, кто подаст людям пример?

– Мы могли бы притвориться, что сдались, а потом потихоньку выжить их из Империи, – тихо предложила Эва. – Однажды мы уже сумели забрать власть у мужчин в свои руки! Сможем повторить еще раз; не думаю, что мужчины Третьего континента так уж отличаются от тех, которые были когда-то у власти в Арамантиде.

– Да, но тогда... – начала министр полетов и резко замолчала, словно спохватившись. – Тогда все было иначе. Повторить так, как тогда, нам не удастся, – закончила она, оставив Эву теряться в догадках, что же, разрази ее гром, это значит.

* * *

Майор рей Данс первой подняла тему, которая была у всех на уме.

– Что мы будем делать с рей Дором?

– А что с ним делать? – немедленно, словно только и ждала этой реплики, откликнулась командир Гранита. – Пусть остается у пиратов. Предатель заслуживает своей судьбы!

– С чего вы решили, что Тристан – предатель? – ледяным тоном осведомилась командир Танго.

– Вы забыли, что рассказала рей Хок? Тристан ушел к пиратам сам, добровольно, а не под дулом пистолета!

– Но это ничего не доказывает! Я давно знаю Тристана и уверена, что он не способен на предательство!

Разжалованная в майоры мадам рей Фол демонстративно закатила глаза:

– Голубушка, всем хорошо известно, что Тристан был вашим любимчиком и вы покрывали все его выходки. Так что ценность вашего мнения сравнима с прошлогодним снегом...

Майор рей Данс метнула быстрый взгляд на генерала. Та сидела, откинувшись на спинку стула, и отстраненно наблюдала за происходящим. По ее ничего не выражающему лицу было невозможно понять, о чем она думает.

– А я согласна с рей Данс, – подключилась к разговору полковник рей Хольт. – Рей Дор начинал свою службу на мысе Горн на моих глазах и за все эти годы ни разу не дал повода усомниться в своей лояльности.

Командир Гранита недовольно поджала губы, но промолчала. Спорить с куда более опытным командиром Стрел, которая к тому же была выше ее по званию, майор рей Фол не рискнула. Ко всему прочему еще слишком свежи были у всех воспоминания о ее собственном провале, когда в ночь Проводов Года именно из-за нее Гранит не сумел организовать надлежащую оборону и остановить атаку врага на летную базу.

– Не всегда нужно наставлять на человека оружие, чтобы заставить его сделать что-то вопреки его воле, – негромко заметила обычно сдержанная и молчаливая подполковник рей Борн.

Наступила долгая пауза, когда каждая из присутствующих обдумывала услышанное.

Нарушила тишину снова майор рей Данс; у нее была вполне конкретная цель, и она не собиралась сворачивать с пути.

– Мадам генерал, я хочу официально заявить, что, по моему мнению, требуется немедленно снарядить спасательную экспедицию!

Главкомандующая не успела ничего сказать, ее опередила командир Гранита.

– Рисковать жизнями ради мужчины?

– При чем тут это? – неожиданно вмешалась молчавшая до этого момента Анелия эр Мада. – Рей Дор – авионер. А насколько я помню, мы *своих* никогда не бросаем!

– Да, но разумно ли ставить под угрозу сразу несколько жизней ради спасения одной, особенно во время боевых действий, когда на счету каждая авионера? – поменяла тактику майор рей Фол, поняв, что замечание мадам эр Мада встретило понимание у остальных собравшихся командиров.

– Совсем недавно мы точно так же рисковали жизнями авионер ради одной лин Монро, – напомнила майор рей Данс.

– Да, но лин Монро – народная героиня, – парировала командир Гранита. – А рей Дор...

– А рей Дор – герой мыса Горн, – решительно перебила майор рей Данс. – И герой настоящий, в отличие от мадам лин Монро.

– Герой, о котором в Арамантиде никто не знает, – тихо фыркнула майор рей Фол.

– Зато о нем знают *все* на мысе Горн. И нравится лично вам это или нет, но здесь его искренне уважают и любят. А мыс Горн сейчас – последняя надежда Империи, – отчеканила командир Танго. – Нам и так нелегко отбивать атаки Третьего континента, особенно сейчас, когда не приходится ждать подкрепления, а вся остальная Арамантида, того и гляди, падет. Еще несколько дней, и мы будем держать оборону исключительно за счет боевого духа, того

самого, который так упорно тренировала мадам лин Монро, – невольно усмехнулась, оценив иронию ситуации, майор рей Данс. – Возвращение рей Дора на базу сотворит с боевым духом всего летного состава чудо и вдохновит авионер на то, чтобы стоять до последнего.

– Это если нам и впрямь имеет смысл стоять до конца, – негромко, но вполне разборчиво произнесла майор рей Фол и оглядела остальных командиров. – Империя-то, похоже, пала, и соотношение сил совсем не в нашу пользу...

Майор рей Данс выдохнула и вызывающе вздернула подбородок; похоже, ее оскорбил намек командира Гранита. Более опытная полковник рей Хольт задумчиво прищурилась и отвела взгляд. По лицу подполковника рей Борн пробежала быстрая тень сомнения.

Однако никто не спешил высказываться первой, все повернулись к генералу эр Спата, ожидая, что скажет она.

Главкомандующая заговорила не сразу, но ее голос прозвучал твердо, без намека на сомнение.

– До той поры, пока жива хотя бы одна авионера, до той поры, пока она может подниматься в небо и сражаться с врагом, Арамантида не может пасть, – заявила она. – Мы будем стоять до конца.

* * *

– Механикер рей Марн, срочно на станцию! – услышал Ансель голос курьера и вздрогнул от неожиданности. Неловко вскочив, сделал вид, будто копался в инструментах, и неестественно деловито переспросил:

– На станцию?

Но курьера уже и след простыл.

Ансель облегченно выдохнул. Ему не хотелось, чтобы кто-то застал его за таким странным занятием, – и уж тем более не хотелось объяснять, для чего он копается в грудке булыжников.

Положа руку на сердце, он и сам толком не мог этого объяснить. Точнее, мог, но причины звучали крайне нелепо. Слова Ёр о том, что она – то, что называют сердцем камня, все никак не шли у него из головы.

К сожалению, Ёр с тех пор Ансель так и не видел, и получить от нее ответы на свои вопросы не мог. Потому сейчас он проверял одну из своих версий. Раз Ёр сказала, что Ансель ее разбудил и что она – сердце камня, то получается, пробуждение должно было произойти на Седьмом Небе. А раз Ёр была здесь, на мысе Горн, значит, и разбуженный им камень должен быть где-то тут!

Да, версия невероятная, но ведь разбудил же как-то свой летный камень Тристан! А то, что ни к нему, ни к другим авионерам не являлись сердца их аэролитов в человеческой форме, – ну так ни один из них не будил камни на Седьмом Небе! Может, это такой побочный эффект?

Выстроив эту неоднозначную, сильно натянутую версию и условно приняв ее за верную, Ансель немедленно задался вопросом: где же его летный камень? Ёр он видел, а свой гипотетический аэролит – нет.

И тут Ансель вспомнил: для того чтобы выровнять баланс поврежденной «Грозы», они вместе с Тайреком наполнили булыжниками несколько ящиков и разместили их в трюме. Эти ящики до сих пор стояли в углу ангара, куда их сгрузили после того, как авион вернулся на мыс Горн. Разбуженный им аэролит мог находиться только в них.

Пусть и крайне сомнительная, эта теория не давала Анселю покоя. Он убеждал себя, что в ней слишком много натяжек и несостыковок, но настырный внутренний голос продолжал нашептывать: «А что, если это правда?»

Наконец Ансель сдался и, когда у него выдалась свободная минутка, отправился в ангар, разыскал те самые ящики и принялся перебирать булжники.

Юноша по очереди брал в руки каждый камень, с замиранием сердца ожидая, что вот один из них засияет в его руках, а он почувствует то невероятное ощущение единения, о котором рассказывали авионеры. Но чем больше пустели ящики, тем больше росла уверенность Анселя в том, что он просто идиот.

Курьер застала юношу в тот момент, когда на дне последнего ящика осталось лишь несколько камней. Фыркнув над собственной наивностью, Ансель решил все-таки не бросать дело, когда он так близок к его завершению.

Взяв в руки последний камень, Ансель ощутил, как на короткий миг сердце замерло в хрупкой надежде, – и криво ухмыльнулся. Разумеется, и этот оказался самым обычным булжником. Что ж, пора прекратить забивать себе голову всякими глупостями.

Приняв это решение, юноша поспешил на железнодорожную станцию, расположенную совсем рядом с базой. Там его уже ждали и отвели к платформе с каким-то громоздким грузом, накрытым объемной конструкцией из фанеры и плотной ткани.

– На креплениях – печати Имперской Конструкторской и Министерства полетов, – сообщила Анселю начальница состава и протянула лист бумаги. – А здесь – письменное распоряжение мадам рей Брик, пусть небо ей будет крыльями, чтобы печати вскрыл лично Ансель рей Марн.

Сунув в руки онемевшему от неожиданности Анселю письменное распоряжение, начальница состава заторопилась прочь, наблюдать за разгрузкой остальных вагонов. А механикер еще некоторое время стоял на месте, чувствуя, как колотится сердце в груди. Юноша вспомнил о последнем письме мадам рей Брик, в котором она сообщала, что кое-что ему отправила, но не написала, что именно, на случай, если корреспонденцию перехватят шпионы. Однако она уверяла, что когда Ансель это получит, то сразу поймет, что нужно делать.

Пальцы, срывающие с креплений печати, слегка дрожали – то ли от волнения, то ли от порывов холодного зимнего ветра. Фанерные панели поддались не сразу, но когда Анселю наконец немного удалось сдвинуть одну из них в сторону и заглянуть внутрь вагона, у него перехватило дыхание, а на глаза непроизвольно навернулись слезы.

Да, мадам рей Брик была права: он знает, что это такое и что нужно делать.

* * *

Зайдя в казарму, Ника замерла на пороге: в глаза сразу бросилось значительно увеличившееся количество идеально застеленных коек.

Девушка сглотнула ком в горле. Конечно, она понимала, что авионеры гибли во время боев, а за последние дни боев было... немало. И все же вид этих пустых коек подействовал почти так же, как если бы она увидела надгробия могил.

В казарме было пусто. Ника присела на свою постель и с облегчением выдохнула, увидев, что одеяло на койке напротив смято. Значит, Черная Берга жива. Ника откинулась на подушку, прикрыла глаза и подумала, что слишком взвинчена для того, чтобы уснуть.

И немедленно провалилась в сон – путешествие из Шайрели и переживания последних дней изнурили Нику куда больше, чем она осознавала.

Когда девушка проснулась, за окнами было уже светло. Казарма вновь пустовала, что вполне объяснялось временем завтрака. Поняв, что жутко проголодалась, Ника поднялась, поплескала себе в лицо водой из умывальника и отправилась в «деревяшку».

Внутри все было как обычно: тепло от горящего камина, вкусные запахи выпечки и жаркого, тихий гул голосов. Вот только эти голоса стихали за теми столами, мимо которых прохо-

дила Ника, и снова набирали силу за ее спиной. А холодные, осуждающие взгляды Ника ощущала почти физически.

Гадать о причинах долго не пришлось.

– Бросила рей Дора на произвол судьбы и сбежала, – донесся до нее шепоток. – А потом разбила «Грозу» в океане!

Ника едва не споткнулась от неожиданности – и от несправедливых обвинений. Все было совсем не так!

Больше всего девушке хотелось выбежать вон из «деревяшки», но это означало проявить слабость. Потому Ника глубоко вдохнула, собираясь с силами, и постаралась поступить так же, как Ванесса: гордо вздернула подбородок и с независимым видом пошла дальше, притворяясь, будто все это ее ничуть не задевает.

И вдруг подумала: а что, если Ванесса в такие моменты тоже переживает, а высокомерие – лишь маска, за которой она скрывает настоящие эмоции?

Ника не глядя наложила себе в тарелку что-то из съестного, невидящим взглядом обвела зал и уселась за ближайший пустой стол. Нацепила что-то на вилку, машинально положила в рот и прожевала, не почувствовав вкуса. Держать лицо, главное – держать лицо! Авионера – это лицо Империи, ее гордость и сила, и она не имеет права расстроено хлюпать носом!

– Ника! – услышала она голос Нильсона. В следующий момент медбрат опустился рядом с ней на скамью. – Как же я рад тебя видеть! Я места себе не находил, пока тебя не было!

Девушка равнодушно кивнула. Обычно внимание и забота Нильсона всегда поднимали ей настроение, но сейчас ей было слишком плохо.

– Устала? – заметил юноша ее мрачное настроение.

– И это тоже, – неохотно ответила Ника.

– Тоже? А что еще? – встревожился Нильсон.

Отвечать не хотелось; более того, расспросы медбрата вызывали раздражение. Умом Ника понимала, что юноша всего лишь проявляет беспокойство, но эмоциям не было до этого никакого дела. Эмоции хотели взорваться и выплеснуться на ни в чем не повинного слушателя, которому не посчастливилось оказаться рядом...

Девушка глубоко вдохнула, пытаясь взять себя в руки. Дамы, в отличие от джентльменов, умеют контролировать свои чувства. Во всяком случае, должны уметь.

– Расстроилась из-за того, что обо мне болтают на базе, – наконец ответила она.

– Ты про эти глупые слухи о рей Дорс и «Грозе»? – сочувственно спросил Нильсон, беря девушку за руку.

На миг Ника испытала облегчение. Как же это приятно, когда тебя не осуждают и не обвиняют!

– Легко им говорить! – возмущенно продолжил юноша. – А вот оказались бы сами в логове пиратов, и я бы посмотрел, что бы делали эти болтуны... Да точно так же улетели бы!

От неожиданности Ника на миг застыла, а затем выдернула руку из руки Нильсона. Он поверил в то, что она бросила рей Дора и сбежала! И пусть он ее не осуждает, даже оправдывает, но... но как он мог подумать, что она способна на такой поступок?

Утихшее было раздражение забурило с новой силой. Почти оттолкнув от себя полную тарелку, Ника резко поднялась и быстрым шагом направилась к выходу. Сбитый с толку Нильсон заторопился следом:

– Ника... Ника, подожди! Ты что, обиделась? Я что-то не то сказал?

Выйдя на улицу, Ника круто развернулась:

– Я не бросала Тристана, ясно тебе?

– Конечно, не бросала, – примирительно ответил медбрат. – Ситуация наверняка была безвыходной, и это вынудило тебя...

– Да никто меня не вынудил! – еще сильнее разозлившись, выкрикнула Ника. – Тристан сам ушел с пиратами! Ничего не объяснив! А тут еще эта лин Монро...

– Лин Монро? – непонимающе нахмурился Нильсон. – А она-то тут при чем?

Осознание того, что она едва не выболтала секретную информацию, подействовало на Нику, словно ушат холодной воды. Никто не знал, что лин Монро угодила в плен к пиратам. И не должен был знать.

Так ничего и не сказав, Ника отвернулась и зашагала прочь.

– Ника! – услышала она за спиной растерянный голос Нильсона. – Ника, прости! Я не хотел тебя расстраивать!

Девушка не остановилась. Она шла, сама не зная куда, ей хотелось оказаться подальше ото всех.

Ноги сами принесли Нику к ангару, где раньше стояли «Гроза» и «Молния», а теперь – только «Молния».

Снова нахлынуло чувство вины. Усевшись на какой-то перевернутый ящик, Ника в сотый раз принялась прокручивать в голове тот бой под Сирионом. Она могла бы сохранить авион, будь она чуть внимательнее... или уйди она в «волну» вместо штопора... или...

– Могу немного поднять тебе настроение, – услышала она вдруг знакомый голос, и из полутьмы ангара появился Ансель. – Хочешь?

Первым порывом Ники было ответить, что она вообще ничего сейчас не хочет! И ничто на свете – ничто! – не сможет поднять ей настроение.

Но Ансель без дальнейших расспросов и уговоров протянул ей руку, словно и не сомневался, что она согласится, и Ника почему-то позволила механикеру провести себя через территорию всей базы и пропускной пункт до разгрузочного перрона железнодорожной станции с загнанной в тупик платформой, на которой стояло что-то очень громоздкое, накрытое объемной конструкцией из фанеры и плотной ткани. А затем Ансель таинственно улыбнулся, приподнял край ткани и поманил Нику пальцем. Девушка безо всякого интереса заглянула внутрь – и ахнула, невольно отступив на шаг.

И почувствовала, как непроизвольно расплывается в восторженной улыбке.

Глава 3

Мадам эр Мада пропустила вперед всех командиров и, когда все вышли из кабинета, задержалась в дверях.

– Мадам генерал, у меня для вас еще одно сообщение. Разрешите?

– Разрешаю.

– Прежде чем покинуть столицу, мы успели вынести со склада министерства летные камни, – отрапортовала мадам эр Мада.

– Хорошая работа, – скупой похвалила генерал, а затем деловито потерла руки. – Организуй Церемонию камней в Патагоне, и желательно побыстрее. Завтра выйдет приказ о формировании новой эскадрильи, и ты ее возглавишь. В нее войдут твои ученицы, а также все те, кто сумеет разбудить аэролиты, которые вы привезли. Вопросы?

– Скорее, просьба. Я бы хотела участвовать в спасательной миссии рей Дора.

Главнокомандующая склонила голову и окинула авионеру задумчивым взглядом.

– Ты давно его знаешь, Анелия, – заговорила она совсем другим, некомандирским тоном. – Что могло заставить его добровольно остаться с пиратами?

– Мадам генерал, у того юноши, которого когда-то знала я, младшего брата моей лучшей подруги...

– И почти твоего жениха, – напомнила генерал.

– И у нынешнего рей Дора, – сделав вид, что не услышала, продолжила майор эр Мада, – не так много общего.

– Люди могут поменять наносное, но суть... – Генерал небрежно взмахнула рукой. – Суть всегда остается неизменной.

Майор эр Мада не спорила.

– Если Триса заставили поверить, что на кону стоит нечто по-настоящему важное, например судьба очень близкого ему человека или судьба Империи, он бы не раздумывая пожертвовал собой, – сказала она. – Но никого из близких Тристана у пиратов быть не могло. Трисса давно погибла, родители в Сирионе...

– А его подруга здесь, на базе, – закончила генерал, и мадам эр Мада едва заметно вздрогнула. – Значит, судьба Империи?

– Нам остается только гадать, мадам генерал. Но я уверена, что о предательстве не может быть и речи.

– Я тоже так не думаю, однако не могу не согласиться и с Гунной: сейчас и впрямь крайне неудачный момент, чтобы рисковать жизнями нескольких авионер ради спасения одного человека.

– Но вы же все равно собираетесь отправлять спасательную миссию, мадам генерал? – на правах авионеры, не один год прослужившей под началом генерала, спросила майор эр Мада.

Главнокомандующая задумчиво нахмурилась, но, прежде чем успела ответить, дверь распахнулась, и в кабинете появилась дама в темном дорожном костюме. Седые волосы собраны в короткий пучок на затылке, на ремне пояса – кобура револьвера, а в прищуренных серых глазах – непререкаемая уверенность в том, что любое ее приказание будет немедленно выполнено.

– Да, майор эр Мада, за рей Дором будет отправлена спасательная экспедиция, – решительно заявила она.

* * *

Тристан прислонился спиной к холодной каменной стене тесной камеры и вздохнул. Благодарный, как ему казалось, поступок, совершенный под влиянием минутного порыва, стремительно превращался во вселенскую глупость. Правильно ему Рия говорила: он ведет себя как типичный джентльмен – сначала действует и только потом думает. И разумеется, расплачивается за это.

Решение предложить себя вместо лин Монро пришло к Тристану спонтанно. Да, пускай она дутая героиня, но в нее верят десятки тысяч людей, и сейчас, во время войны, она им нужна. Нужна куда больше, чем один рядовой авионер, о существовании которого в Империи никто не знает.

А дальше события развивались стремительно – и совсем не так, как он ожидал. Жабль вполне довольного сделкой Шестопера отплыл с Окраока в неизвестном Тристану направлении, но не прошло и дня, как на него напали авиолеты Третьего континента, и вот уже его втиснули в корзину аэростата и доставили сначала в трюм зепеллина ненавистной красно-белой расцветки, а после продолжительного полета – в какой-то мрачный замок, в тесную камеру со ржавой решеткой на двери и крысами по углам.

Тристан не был уверен, сколько прошло времени. Несколько суток, не меньше. Более чем достаточно, чтобы сломать голову, гадая, зачем его захватил Кондор. Будут мстить за гибель Красного Барона?

Но наконец настал день, когда противно заскрипела решетка камеры и угрюмые охранники бесцеремонно выволокли Тристана наружу.

Темные коридоры, неровный свет фонарей в руках тюремщиков – и авионера втолкнули в небольшое помещение без окон, в центре которого стоял одинокий стол, за которым сидел... Красный Барон собственной персоной! Он выжил!

Тристан впервые видел своего врага так близко. Красный Барон оказался загорелым мужчиной лет сорока с кудрявыми черными волосами до плеч, тонкими, словно нарисованными усиками и такой же тонкой дорожкой бородки. Левый глаз закрывала черная повязка, из-под которой вверх по лбу и вниз по щеке змеились совсем еще свежие шрамы.

«Работа Ники», – с удовлетворением подумал Тристан.

Красный Барон окинул своего пленника небрежным взглядом, а затем потребовал:

– Верни мне мой камень.

* * *

Один-два-три-четыре-пять-шесть. Стена. Разворот.

Один-два-три-четыре-пять-шесть. Матрас на полу. Разворот.

Мадам лин Монро вздохнула. Вариантов маршрутов в ее камере было совсем немного. Шесть шагов от стены до стены и десять – от двери к крошечному зарешеченному окну.

Эве не раз доводилось бывать в тюремных камерах, но только в лентах синема. На съемках «Побега из воздушной тюрьмы» она и вовсе провела большую часть времени за решеткой, прежде чем триумфально сбежала. Вот только настоящая тюремная камера сильно отличалась от тех декораций, которые сооружали для съемок. Там стены зачастую были картонными, грязь – нарисованной, а замок на дверях – всегда бутафорским. Здесь же от каменных стен веяло холодом, а тяжелый засов на двери снаружи наводил уныние.

С первого же дня заключения Эва ждала, что за ней вот-вот придут. Да, она не министр, но она – звезда синемы; ее не могут проигнорировать! Собственно, лин Монро не сомневалась, что ее позовут одной из первых. Однако прошел день, другой, третий – а дверь ее камеры так и оставалась закрытой.

Эва едва не скрежетала зубами от ярости. Да когда уже, разрази все гром, за ней придут? Лин Монро не привыкла ждать: это ее всегда ждали, а она – никогда! И к таким условиям она тоже не привыкла! После ванн с розовыми маслами и мягких пуховых подушек – жалкое ведро в углу и тощий матрац? Да что они себе позволяют? Они своим жалким умишком хоть понимают, с кем имеют дело?

Чем больше проходило времени, тем сильнее Эва себя накручивала, и к тому дню, когда дверь камеры наконец отворилась и охранники вывели ее наружу, она уже буквально кипела от негодования и была готова наброситься на первого попавшегося.

Не лучшее настроение для переговоров, но сейчас Эве было все равно. Главное – сорвать на ком-нибудь накопившуюся злость. Ее! Звезду синемы! Да в камеру! Словно обычного воришку! Возмутительно!

Эву привезли в Министерство полетов, и она его даже не сразу узнала, – так преобразил здание натянутый на фасад огромный красно-черный флаг с золотым символом, похожим на двойной крест из мечей и копий. А площадь Первых Полетов без старинного авиона на постаменте выглядела голой...

Внутри здания бывшего министерства всю символику Арамантиды закрыли, и вместо небесно-голубых и золотистых тонов неба и солнца в холлах царствовали красно-черные цвета, из-за чего знакомые вроде бы холлы стали казаться чужими и враждебными.

Эва не представляла, кто ждет за дверьми кабинета, к которому ее привели, но рассчитывала не меньше чем на генерала. А еще лучше – главнокомандующего армией.

Чего она совершенно не ожидала, так это увидеть за столом... даму! Темноволосую, сероглазую, в черных брюках и черном двубортном френче с красной отделкой, немного смахивающем на военный мундир.

Эва даже оглянулась на конвойного, словно хотела удостовериться, что он ничего не перепутал. Но того уже и след простыл. А дама тем временем поднялась и плавным, обманчиво мягким шагом направилась к лин Монро. Грация ее движений наводила на мысль о крупном хищнике, от каждого движения которого буквально исходило ощущение угрозы.

– Мадам лин Монро, – слегка улыбнулась дама и протянула руку для приветствия, – понимаю, что обстоятельства не располагают, но тем не менее рада с вами познакомиться. Видела многие ваши ленты и преклоняюсь перед вашим актерским талантом.

Эва, уже сбитая с толку тем, что от имени Третьего континента с ней говорит дама, растерялась еще больше, услышав эти, в общем-то, очень знакомые ей фразы, и машинально пожала протянутую руку.

– Присаживайтесь, – кивком пригласила хозяйка кабинета и села обратно за стол. Вызвала адъютанта и приказала ему принести два кофе, один – без сливок, с двумя ложками сахара.

Эва скрыла удивление. И тем, что эта дама «случайно» угадала, как именно лин Монро любит пить кофе, и тем, что внешне вся эта сцена очень напоминала привычную картину из будней Арамантиды: дама отдает приказ, джентльмен исполняет.

– Мадам лин Монро, вы наверняка догадываетесь, зачем я вас пригласила, – начала дама.

– Пригласили – это громко сказано, – заметила Эва, сделав глоток кофе. Трепетать, молчать и со всем соглашаться она не собиралась. – Приглашение подразумевает свободу приглашаемого принять его или отказаться. Ах да, и обычно у приглашаемого не ограничена свобода передвижения. И он обычно знает, кто именно его приглашает.

– Последнее легко исправить. Полковник Скайлер ферр Хокар, до недавнего времени – командующая агентурной сетью Арамантиды, а теперь, ну, скажем так, я руковожу налаживанием связей с местным населением... Вы выглядите удивленной, мадам лин Монро, – заметила дама.

– Еще бы мне не быть удивленной! – воскликнула Эва. – Я думала, дамы Третьего континента сидят по домам и даже думать не смеют о карьере.

– Гервалия, – поправила ее полковник ферр Хокар. – Мы не называем нашу страну Третьим континентом. И, как видите, – развела она руками, словно приглашая на себя посмотреть, – не все наши дамы сидят дома.

– Мне нет никакого дела до того, как вы называете свою страну, – пробурчала Эва, все еще переваривая последнюю новость. О Третьем континенте было известно немного, но то, что там всем заправляют мужчины, а у женщин нет никаких прав, она слышала не раз с тех пор, как оказалась на мысе Горн. Выходит, это неправда?

– А зря, – качнула головой ферр Хокар. – Теперь вы – вассальная территория, а Гервалия – ваш сюзерен; стоит знать его название!

– Не помню, чтобы Арамантида подписала пакт о капитуляции, – заметила лин Монро.

– Это лишь вопрос времени, – спокойно отозвалась полковник. – Но даже если министры откажутся капитулировать, их публичная казнь и подавления массовых восстаний в стране быстро донесут до народа, кто теперь новая власть. Последний вариант менее предпочтителен, но мы готовы к нему, если ваше бывшее руководство не проявит благоразумие. Однако мы бы предпочли капитуляцию, тогда переход власти пройдет куда более спокойно и менее кровопролитно.

– Как гуманно и милосердно с вашей стороны, – саркастически фыркнула Эва.

– Да, гуманно, – невозмутимо ответила полковник. – Мы не видим необходимости в лишних жертвах. Конечно, мы легко можем подавить любой бунт, но зачем вообще его начинать, если заранее знаешь, что он бессмыслен? Зачем эти ненужные человеческие смерти? И потом, не хочется начинать новую эпоху истории целой страны с крови.

– Именно поэтому вы пришли сюда с вооруженной до зубов армией? Чтобы обойтись без крови?

– Как ни парадоксально это звучит, мадам лин Монро, порой, чтобы установить мир, требуется прийти с оружием. Ну, или, как минимум, наглядно продемонстрировать свое вооруженное превосходство.

– Можно поступить куда проще – и вообще не приходить туда, куда вас не звали.

– Именно этим принципом и руководствовалась Арамантида, когда захватывала Цвельт, Клейс, Реветнину и Бруньер, не так ли? – улыбнулась полковник ферр Хокар.

Эва промолчала; крыть было нечем. Империя и впрямь присоединила к своей территории небольшие соседние государства, не спрашивая об их желании. Третий континент сейчас делает то же самое, только, в отличие от Арамантиды, он вышел за пределы своего континента.

– Любая империя, достигшая пика своего величия, испытывает потребность в расширении, – снова заговорила ферр Хокар. – Мы – не исключение. Вы оказались проигравшими, и это, конечно, печально для вас, но таков закон природы: кто сильнее и мудрее, тот и властвует. Понимаю, вы долгое время считали себя самыми лучшими, и осознать, что это не так, непросто, но... С фактами не поспоришь.

– Я бы поспорила с тем, что вы лучшие, – проворчала лин Монро, но не особенно уверенно. – Мы долгие годы сдерживали вас на мысе Горн. А сейчас... сейчас вам просто повезло.

Полковник ферр Хокар задумчиво покачала головой, а затем весело сказала:

– Везение – это оправдание для неудачников. Нет такого понятия, как везение. Оно не выбирает любимчиков и не валится с небес. То, что люди называют везением, на самом деле плод долгой работы, которая однажды вознаграждает наиболее упорных. И только недалекие люди, видя плоды этих тяжелых трудов, считают, что их обладателю просто повезло.

– И все-таки такая вещь, как удача, есть, что бы там ни считали, – убежденно ответила лин Монро. – Кто-то может трудиться днями и ночами, неделями и годами, а кто-то окажется в нужном месте в нужное время – и...

– Это все из-за летных камней, – перебила ее ферр Хокар. – Вы сами не знаете, почему кому-то их удается разбудить, а кому-то нет, и потому для вас вся эта ваша Церемония – не что иное, как лотерея, в которой кому-то везет, а кому-то нет. Отсюда и ваша вера в удачу. Но если бы вы не ленились и выяснили принцип, который кроется за пробуждением аэролитов, уверена, вы бы тоже не вели никакой речи о везении.

Эва недовольно поджала губы. Ей не нравилось, когда с ней не соглашались, и еще больше не нравилось, когда доводы оппонента звучали убедительно. А доводы этой дамы были именно такими.

– Что ж, все это, безусловно, занимательно, но, может, уже перейдем к делу? Вы же приказали доставить меня сюда не ради того, чтобы порассуждать об удаче? Что вам от меня надо? Что вы мне предлагаете?

– Я предлагаю вам спасти Арамантиду, – огорошила Эву неожиданным ответом полковник ферр Хокар.

* * *

– Кто вы такая и кто разрешил вам войти? – требовательно осведомилась генерал эр Спата, глядя на незнакомку. И, поскольку та не торопилась отвечать, повысила голос: – Делла!

Адъютанта тут же появилась в дверях.

– Почему пустили без доклада? – строго осведомилась главнокомандующая.

– Так у них же распоряжение от Чрезвычайного военного совета, – растерянно пробормотала Делла.

– Что ты мелешь? Какой такой Чрезвычайный военный совет? – нахмурилась генерал эр Спата. – Ну-ка, покажи мне этот документ, – потребовала она.

Адъютанта растерянно моргнула.

– Я... у меня его нет, мадам генерал, – промямлила она. Похоже, Делла и сама понять не могла, что произошло и почему она пустила в приемную командира военной базы незнакомку. – Но он мне сказал...

– Кто – он? – перебила ее главнокомандующая.

– Я, мадам генерал, – раздался уверенный голос, и в кабинете появился джентльмен средних лет в военной форме с нашивками полковника. – Уполномоченный представитель Чрезвычайного военного совета временного правительства Арамантиды.

Мадам эр Мада изумленно уставилась на неожиданного визитера. Никогда прежде она не видела джентльмена, который бы дослужился до столь высокого офицерского чина!

Генерал эр Спата несколько мгновений в упор смотрела на джентльмена, а затем повернулась к даме в дорожном костюме и осведомилась:

– Может, оставим комедию и вы наконец объясните, что происходит?

Та выдержала паузу, меряясь с генералом взглядами, а затем повернулась к джентльмену:

– Поздравляю, Фаб, теперь на твоем счету два поражения.

Затем дама подошла к генералу и протянула ей руку.

– Тэтчер, Сектор Шесть.

Главкомандующая невозмутимо пожала руку дамы и указала на кресло.

– Присаживайтесь, Тэтчер... Анелия, можешь быть свободна.

– Подождите, майор, – вмешалась дама, которая назвалась странным именем Тэтчер. – Вас это тоже касается, ведь именно вы возглавите спасательную операцию по освобождению рей Дора.

Мадам эр Мада вопросительно взглянула на генерала. Кто такая эта Тэтчер? Почему осмеливается идти против приказа главкомандующей? И что такое Сектор Шесть?

Генерал эр Спата без слов кивнула на другое свободное кресло, подтверждая, что она может остаться.

– Мой отряд полетит вместе с вашими авионерами в Кондор, – сообщила Тэтчер тоном, не подразумевающим возражений. – Им очень пригодится подкрепление, ведь, если только они не привезут с собой небольшую армию, в крепость Красного Барона им не пробиться.

Мадам эр Мада подавила напряженный вздох; она и сама уже не раз думала о том, что долететь до Кондора – это не так уж и сложно, а вот что делать, когда они приземлятся?

– Ваш отряд стоит небольшой армии? – осведомилась генерал.

– Нам не обязательно убивать всю охрану замка, чтобы попасть внутрь. Наш Фаб, – кивнула Тэтчер на джентльмена с полковничьими нашивками, – может сыграть любую роль и убедить кого угодно в чем угодно. Вы, мадам генерал, второе его поражение на моей памяти. Итак, план таков: ваши девочки доставляют нас в цитадель Кондора, Фаб проводит нас внутрь, мы забираем Тристана, пробиваемся обратно и улетаем. Что скажете?

– Скажу, что звучит проще, чем это будет сделать, – ответила генерал и прищурилась: – Почему?

Тэтчер не стала делать вид, что не поняла вопроса.

– Столица фактически пала, и самостоятельно ее освободить на данный момент мы не сможем. А вот помочь нашей Империи по-другому и спасти рей Дора – на это мы способны, – пояснила она. – Рей Дор нужен мысу Горн. А мыс Горн нужен Арамантиде, это ее последний шанс.

С этими словами Тэтчер поднялась и направилась к выходу.

– Готовьтесь к спасательной миссии, майор эр Мада. И учтите: в моей команде одиннадцать человек, так что в вашей группе должен быть хотя бы один вместительный авион.

Дождавшись, когда Тэтчер и Фаб выйдут, майор эр Мада тихо спросила:

– Мадам генерал, что такое Сектор Шесть и кто такая эта Тэтчер?

– Сектора Шесть официально не существует, Анелия, – ответила главкомандующая. – А Тэтчер – это легенда. Ее команда делает то, что другим не под силу.

– Как наше Танго? – усмехнулась мадам эр Мада.

– Нет, – серьезно произнесла генерал. – Танго делает невозможное. А Тэтчер и Сектор Шесть – нереальное.

Глава 4

Вот уже несколько дней флот Винландии болтался на месте, попав в мертвый штиль. Матросы нервничали и волновались; Вальди слышал, как они обсуждают, что делать. Судя по обрывкам доносящихся до него разговоров, винландцы должны были доставить пленных на Третий континент; самим им пленники были совершенно не нужны, и, похоже, они были бы рады как можно скорее от них избавиться.

Благополучно перебравшись на другое судно после того, как корабль, на котором Вальди изначально оказался, затонул, Вальди сразу же начал притворяться матросом-винландцем. За монкула он сойти больше не мог, слишком оброс, а признаться, что он из Арамантиды, означало угодить прямиком в трюм, под замок.

Было страшно. Страшнее, чем когда он выдавал себя за монкула и проникал в дома самых высокопоставленных лиц Арамантиды, ведь Вальди ничего не знал ни о Винландии, ни о профессии матроса. Поэтому, переодевшись в чьи-то сохнувшие прямо на палубе штаны с рубашкой, юноша спрятался в укромном уголке на палубе среди нагромождений канатов и бочек, а если его кто-то замечал, то он тут же делал вид, словно выполняет какое-то важное поручение. К тем, кто выглядит так, словно занят серьезным делом, реже пристают с расспросами.

Ночью же Вальди собирался пробраться в трюм, где держат пленников, и передать одной из надсмотрщиц тот самый секретный документ, который он достал практически ценой собственной жизни в Министерстве труда.

Разумеется, Вальди не удержался и прочитал его, едва только улучил минуту. И сразу же понял, почему власти держали эти сведения в строжайшей тайне: они были крайне опасны! Настолько опасны, что Вальди поначалу даже не мог себе представить, когда их использование может быть оправдано.

Что ж, зато теперь – представлял. И не сомневался, что собирается сделать единственно правильную вещь в этой препаршивейшей ситуации.

Ну, почти не сомневался. Закавыка была в том, что в документе детально описывалось, как запустить в действие очень страшный, но очень эффективный процесс, однако не содержалось ни слова о том, как его остановить. По всему выходило, что процесс необратим.

* * *

– Поскольку ты сдался сам, я так понимаю, пытать тебя ради информации не придется, – задумчиво протянула главнокомандующая, глядя на сидевшего перед ней на табурете юношу.

– Не придется, мадам генерал, – заверил Тайрек и постарался устроиться поудобнее; связанные за спиной руки мешали. – Я сам все расскажу.

– Зачем ты сдался? Даже Гардинария тебя не вычислила, не говоря уж обо всех остальных.

Из угла кабинета раздался тихий вздох «всех остальных», а именно – Деллы, протоколировавшей допрос.

– В силу некоторых обстоятельств моя лояльность изменилась, – заявил юноша. – И я больше не считаю себя обязанным работать на Третий континент. Более того, я хочу помочь вам.

– Что за обстоятельства? – подняла брови генерал.

– Разве это важно? Главное – я готов с вами сотрудничать и поделиться важной информацией, которая поможет выиграть войну.

– Звучит многообещающе, – хмыкнула генерал эр Спата. – Собственно, слишком многообещающе, чтобы в это поверить. Я лично думаю, что ты ведешь какую-то свою собственную игру и эта игра – на руку Третьему континенту. А твое чистосердечное признание – часть хитрого плана. Я пока не понимаю, что за схему ты разыгрываешь, но, будь уверен, я докопаюсь до истины. И когда докопаюсь, тебе не поздоровится.

Тайрека ничуть не впечатлили ни слова, ни угрозы главнокомандующей.

– Может, все-таки выслушаете меня? А дальше вы уже сами решите, как распорядиться этими сведениями – и что делать со мной.

Генерал скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула и коротко кивнула.

Дальнейшего поощрения Тайреку не требовалось.

– Прежде чем попасть на мыс Горн, я некоторое время проработал в Министерстве труда и исправления и смог узнать о прямой связи между аэролитами и производством монкулов... Мадам генерал, я так до конца и не разобрался с уровнями доступа к секретной информации и потому не знаю, известно ли вам уже о том, что я собираюсь рассказать. Если да – то остановите меня.

Юноша выжидательно уставился на главнокомандующую. Генерал эр Спата никак не отреагировала, и Тайрек продолжил:

– Все знают, что по традиции умершую авионеру хоронят вместе с ее летным камнем. Однако никто, кроме узкого круга посвященных, не знает, что позже их аэролиты непременно... изымают и привозят на фабрику монкулов. Там эти летные камни хранятся до тех пор, пока кто-то из преступников, приговоренных к обращению в монкулы, не разбудит один из них.

– Делла, выйдите! – вдруг резко приказала генерал эр Спата.

– Но... мадам генерал... а что же... – начала было адъютанта, однако воинская дисциплина взяла верх. – Так точно, мадам генерал, – расстроено выдохнула она и выскользнула из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

– Вы тоже, – приказала генерал конвойным, застывшим на входе.

Те нерешительно переглянулись.

– Он связан, – поняла их сомнения генерал. – И потом, я не настолько стара, чтобы не справиться с каким-то мальчишкой.

Не осмелившись возражать, конвойные вышли.

– Продолжай, – бросила главнокомандующая Тайреку, когда дверь за ними закрылась.

– Вы знали об этом, мадам генерал? – спросил юноша напрямик. – Вы знали, что аэролиты погибших авионер можно разбудить повторно? И что сделать это могут только джентльмены?

Главнокомандующая по-прежнему молчала, не сводя с Тайрека пристального взгляда.

– Хорошо, предположим, что знали. Тогда вы, вероятно, знаете и о том, что, когда джентльмен, разбудивший использованный аэролит, погибает, его летный камень опять становится пригоден к использованию дамами, и его отправляют на Церемонию камней. По сути, цикл жизни аэролита состоит из поочередных его пробуждений то дамой, то джентльменом. И пропустить этап с джентльменами невозможно. Однако Арамантида не заинтересована в

том, чтобы джентльмены становились авионерами. Зато заинтересована в летных камнях, ведь новых добывают не так много, а это значит, что нужно использовать старые. Но старые должны пройти через руки джентльменов. Видите проблему, да? Самая первая мысль, которая так и напрашивается: дать джентльмену разбудить аэролит, а потом убить его, и летный камень снова становится пригоден для дамы. Преклоняюсь перед гуманностью властей, – не удержался от усмешки Тайрек, – они решили обойтись без смертей и нашли более рациональное решение. Для аэролита отключение личности равносильно смерти, и, когда обладателя камня обращают в монкула, связь между ним и разбуженным им аэролитом прерывается.

– Предположим, – очень медленно заговорила генерал эр Спата, – только предположим, что ты говоришь правду. Как она может помочь нам расправиться с Третьим континентом?

– Если раздобыть эти аэролиты и провести Церемонию камней, вы сможете разом заполнить очень много авионеров-мужчин.

– Не авионеров, – тут же покачала головой главнокомандующая, – а людей, разбудивших летные камни, но совершенно не умеющих с ними обращаться. Джентльменов, которых нет времени учить управлять ни такими сложными механизмами, как авионы, ни собственными эмоциями и страстями и которые совершенно не годятся для боя. Даже если ты говоришь правду и джентльмены действительно могут разбудить аэролиты, все, что мы получим на выходе, – это бесполезное пушечное мясо, которое в лучшем случае сумеет взлететь.

– Вы не правы, мадам генерал, – возразил Тайрек. – Во-первых, мужчины-авионеры наверняка будут из кожи вон лезть, стараясь доказать, что они достойны неба! Тем более перед глазами у них всегда есть Тристан рей Дор... То есть был... Во-вторых, сам факт того, что они, оказывается, тоже могут будить аэролиты, вдохновит на борьбу джентльменов по всей Арамантиде.

Главнокомандующая сжала губы в тонкую линию, и Тайрек понял, что не сумел ее убедить.

– Мадам генерал, – попробовал юноша предпринять еще одну попытку, но главнокомандующая не дала ему договорить.

– Можешь не утруждаться, остальное я уже знаю. Эти аэролиты, которые якобы могут разбудить только джентльмены, находятся сейчас в Сирионе, на фабрике монкулов. И ты собираешься предложить свою кандидатуру для того, чтобы тебя отпустили и поручили доставить их сюда.

Тайрек энергично кивнул; именно на это он и надеялся.

– Мне сложно поверить, что все «объекты», которые ты прежде разрабатывал, велись на такие примитивные уловки, – покачала головой генерал эр Спата. – Мог бы придумать что-нибудь поубедительнее. Конвой! Уведите арестанта!

Тайрек раздосадованно вздохнул. Надо же, столько раз за какими-то его действиями стояли скрытые мотивы, и никто его на этом не ловил! А сейчас, когда он в кои-то веки говорит совершенно искренне, его подозревают в двойной игре!

* * *

В камеру лин Монро не вернулась. После разговора с полковником ферр Хокар ее отвезли в уютный гостиничный номер в фешенебельном отеле «Авиональ» неподалеку от здания Министерства полетов. Здесь обычно останавливались высокопоставленные приезжие и самые состоятельные гости города. Сейчас в отеле расквартировался старший офицерский состав армии Третьего континента.

Когда дверь в номер захлопнулась и Эва осталась одна, на короткий момент показалось, будто все стало как прежде: она, звезда синемы, в лучшем отеле города, отдыхает перед премьерой или перед съемкой новой ленты. Впрочем, хрупкая иллюзия тут же разбилась, стоило

только выглянуть в окно и увидеть над крышами развевающийся на шпиле городской ратуши черно-красный флаг.

Решительно отбросив все тревожащие мысли, Эва для начала приняла ванну с ароматной пеной – ах, какое блаженство после нескольких дней в тюремной камере, где из средств гигиены имелось лишь ведро и небольшой кувшин с холодной водой! После, завернувшись в мягкий халат, она уселась перед горящим камином и долго бездумно смотрела в огонь; завораживающее зрелище успокаивало – и помогало размышлять.

Как ни странно это признавать, но полковник ферр Хокар говорила разумные вещи. Если руководство страны в лице всех министров отказывается от публичной капитуляции, этим оно лишает Империю шанса на мирную передачу власти; народ будет считать Третий континент захватчиками, начнет бороться и бунтовать, вести партизанскую войну и в конечном итоге все равно проиграет и смирится, но только после того, как потеряет несколько лет и множество жизней.

Однако министры – не единственные, кто может сделать переход власти к Третьему континенту законным в глазах людей и успокоить граждан Империи. Это может сделать и известная всем и каждому народная героиня. Собственно, из ее уст призыв принять новое руководство страны будет звучать еще более убедительно. Министры для простого человека – это черно-белые фотографии в газетах. А вот лин Монро – она настоящая. Люди видят ее на экранах кинематографа, и им кажется, будто они ее знают, будто она – своя...

«Двадцать первого февраля мы соберем всех жителей столицы на площади Триумфа Гервалии и, если ваши министры так и не согласятся пойти нам навстречу, вы обратитесь к народу с речью», – описывала свой план полковник ферр Хокар, и Эве становилось не по себе от каждого слова.

Площадь Триумфа Гервалии прежде называлась площадью Первых Полетов... А двадцать первого февраля вся Арамантида отмечала день Первых Лучей – прощание с зимой, один из самых любимых народных праздников...

Значит, вот что такое проигранная война. Это не только сбитые авионы и разрушенные здания, не только смерти и горечь поражения. Проигранная война простирается намного дальше. Она дает чужие названия родным местам, она оскверняет любимые праздники.

Эва поехала, словно от озноба. Сейчас они переименовывают площади и улицы, завтра навсегда портят тебе любимый праздник, а послезавтра? Сожгут все учебники истории? Запретят отмечать день Воздушных Шаров? Навяжут свою музыку? Заставят ходить в одежде черно-красных цветов? И ничего нельзя сделать... Неужели ничего нельзя сделать?

А полковник ферр Хокар продолжала говорить, и ее слова предлагали выход.

«Вы, мадам лин Монро, дадите начало новой эпохе вашей страны – счастливой, процветающей эпохе. Вы станете ее символом. Мы назначим вас официальным амбассадором Арамантиды, вы будете представлять интересы своей страны в Совете Третьего континента. Вы станете заметной политической и общественной фигурой и останетесь в истории своей страны самой значимой личностью своего века».

И Эва задумалась. Она и так уже вписала свое имя в историю как звезда кинематографа. Но остаться в памяти людей не только знаменитой актрисой, но и дамой, давшей людям новую надежду в самые тяжелые времена, – это совсем другое!

«Сейчас у вас есть возможность совершить свой самый большой подвиг – спасти собственный народ, избавить его от сотен ненужных смертей. И только вы можете это сделать!»

Слова полковника ферр Хокар рисовали заманчивую картину, и лин Монро невольно кивала, соглашаясь. Да, именно так она и сделает. Выступит на площади перед всеми жителями Сириона. Идеальное место и идеальное время, чтобы быть услышанной тысячами и тысячами людей – и направить их энергию в нужное русло.

Подкинув дров в горящий камин, Эва налила в бокал немного вина, удобно откинувшись на спинку кресла и принялась размышлять над тем, какую речь произнесет перед многотысячной толпой на площади Первых Полетов...

Точнее, на площади Триумфа Гервалии.

* * *

Слухи – удивительно живучая вещь; ни строгая дисциплина, ни бедственное положение, ни даже война им не помеха. Вот и сейчас, несмотря на то что судьба мыса Горн и всей Империи висела буквально на волоске и никто не знал, что им приготовил завтрашний день, это не мешало собравшимся на ужин в «деревяшке» обмениваться последними сплетнями.

– В последнем составе из столицы привезли какой-то новый авион, вроде бы даже лучше «Грозы». Говорят, его конструировала сама мадам рей Брик.

– Что рей Дор всего лишь джентльмен, но все равно некрасиво вышло. Не должна была она его там бросать, он все-таки ее инструктор.

– Точно тебе говорю, мэр Алтана сбежала и бросила город на произвол судьбы...

– Под стражей. Я даже спросила у Деллы, за что арестовали Тайрека, но она молчит как рыба и делает вид, будто он ей вообще никто. Ха! А то мы не видели, как она его обхаживает!

Услышав о Тайреке, Ансель встрепнулся. Он уже не первый день гадал, куда подевался его приятель после того странного, сумбурного ночного разговора, когда тот заявил, что скоро о нем станет известно нечто плохое. Пока ничего такого Ансель не слышал, но если слухи не врут, то арест говорит сам за себя – за хорошие дела под замок не сажают.

Помня о том, как легко в свое время они с Никой прошли в арестантскую на свидание с Тристаном, Ансель почти не сомневался, что и к Тайреку его пустят.

Так и вышло.

– Ну, и за что тебя на этот раз? Опять пролез на авион, куда тебе не было хода? – насмешливо спросил Ансель, заходя в камеру и надеясь про себя, что дело именно в этом, а не в чем-то другом.

– К сожалению, нет, – покачал головой Тайрек. – Ансель, я очень рад, что ты пришел! Мне нужна твоя помощь, ты – моя единственная надежда.

– Сначала расскажи, что ты на этот раз натворил, – поставил условие Ансель.

– Это будет долгая история, – смиренно вздохнул Тайрек. – Помнишь, когда мы с тобой виделись в прошлый раз, я сказал тебе, что ты – мой единственный настоящий друг?

– Да, и ты здорово сбил меня с толку этими сентиментальностями, – напряженно ответил Ансель, почему-то начиная нервничать; у него появилось предчувствие, что сейчас он услышит очень плохую новость.

– Так вот, я больше не хочу тебя обманывать. Точнее, я тебя не обманывал, я просто... не совсем договаривал. Видишь ли, я был шпионом Третьего континента.

Ансель настолько растерялся, что просто онемел от неожиданности.

– Заметь, *был*, – уточнил Тайрек. – С недавних пор я больше на них не работаю и сам сдался генералу эр Спата. И именно поэтому меня арестовали. Но у меня есть ценные сведения, которые можно использовать против Третьего континента. К сожалению, главнокомандующая не поддержала мои предложения.

– Значит, шпион, – медленно протянул Ансель, пытаясь свыкнуться с шокирующей новостью. – И что же заставило тебя перевернуться на другую сторону?

– Ну, для начала мои бывшие соратники попытались меня убить, – ответил Тайрек и приподнял перевязанную и согнутую в локте руку. – Сложно, знаешь ли, продолжать работать на тех, кто хочет видеть тебя мертвым.

– А почему они решили тебя убить?

– Сочли, что я слишком много знаю и становлюсь не ценным информатором, а помехой и потенциальным источником проблем.

Ансель молчал. Новость о том, что Тайрек – его взбалмошный несерьезный сосед и легкомысленный ловелас – вражеский шпион, никак не желала укладываться в голове. Шпионы – это такие суровые, серьезные одиночки, которые стараются оставаться как можно более незаметными, носить темную одежду, не заводить личных знакомств и не выходить на улицы при свете дня. Тайрек же был полной противоположностью этому образу из бульварных романов! Разве шпионы могут быть такими?

– Значит, ты родом с Третьего континента? – наконец спросил Ансель.

Тайрек отрицательно замотал головой:

– Нет, я родился в Арамантиде. Моя мать родом с Третьего континента. Агент зуру, элитная категория шпионов, которых отправляют на миссию с глубоким погружением. Иначе говоря, шпион зуру должен так влиться в жизнь Арамантиды, чтобы все вокруг были уверены, что он – один из них. Более того, моей матери досталось одно из самых сложных заданий: она должна была завести семью с джентльменом Арамантиды и родить ребенка, у которого будут настоящие документы Арамантиды, ни одна проверка не подкопается. Идеальный шпион.

– Как ты, – понял Ансель.

– Как я. Только мне же не говорили с рождения, что я – будущий шпион. Собственно, лет до десяти я рос, как все обычные дети, и знать ничего не знал. Это прокол моей матери; похоже, она искренне полюбила моего отца, а когда родились мы с сестрой, решила, что для нее это больше не миссия и что она оставляет свое прошлое позади. Только кто бы ей дал это сделать? Из разведки Третьего континента по своей воле не уходят. Мне было около десяти, когда к нам явились комиссары, забрали мать с отцом и сестру, а мне выложили историю моего происхождения и сказали, что, если я хочу увидеть свою семью живой, я буду работать на них.

– Ужас! – с фальшивым сочувствием воскликнул Ансель. Он уже немного оправился от первого шока и взял себя в руки. – Ты романы писать не пробовал? Думаю, скучающие домохозяйка ими бы зачитывались!

– Думай что хочешь, твое право, – глухо заявил Тайрек, отворачиваясь. – Но я говорю правду.

Ансель изучающе оглядел своего бывшего приятеля. Он как будто и впрямь искренне переживал. Да только верить ему теперь Ансель не решался.

– Допустим. И что было дальше? Ты просто взял и начал работать на Третий континент?

– Да. Когда твою семью держат в заложниках, ты на многое пойдешь, только бы они жили. Особенно если ты – ребенок; тогда ты еще веришь, что, если сделаешь все как надо, они и впрямь отпустят маму с папой и сестру. – Тайрек криво усмехнулся, вспомнив о наивной вере того маленького мальчика, которым он когда-то был. – Сначала мне давали совсем мелкие поручения; никто, знаешь ли, не обращает внимания на мальчишек, которые крутятся рядом. Постепенно задания становились все сложнее, и вот... – Тайрек развел руками.

– Значит, все эти годы ты шпионил из-под палки? Потому что тебя шантажировали семьей?

Тайрек молча кивнул и несчастными глазами уставился на Анселя. А тот смотрел на него и понимал, что испытывает какое-то опустошение и разочарование. Он пришел узнать, за какой проступок арестовали его приятеля. А оказалось, что на самом деле не было у него никакого приятеля.

– Ну, хорошо, предположим, – продолжил Ансель, хотя ему больше не хотелось ничего выяснять. – Но что же случилось? Ты говоришь, тебя хотели убить. Согласен, вполне весомая причина, чтобы сменить стороны. Но как же насчет твоей семьи? Ты больше не боишься, что их убьют?

Тайрек отвернулся, и Анселью показалось, что тот пытается взять себя в руки, прежде чем ответить.

– Они погибли, – наконец тихо сказал юноша. – Совсем недавно. Все – и отец, и мать, и Ида...

Ансель шумно втянул в себя воздух. Вот это действительно ужасно! Если, конечно, Тайрек говорит правду. Но вдруг он и тут лжет? Хотя семья – это же святое, неприкосновенное; врать про смерть близких – это кошунство, не так ли? Даже если ты шпион...

– И твои бывшие коллеги решили, что, раз больше у них нет заложников, которыми они тебя шантажируют, ты их тут же предашь? – продолжил рассуждать Ансель. – Неужели за столько лет безупречной службы ты так и не доказал им свою лояльность?

– Самое смешное, что я и не знал о гибели своей семьи, – грустно усмехнулся Тайрек. – То есть не смешное, конечно... Но ты меня понял, да? Просто когда я выполнил последнюю миссию и передал им Белую Мамбу...

«Так это он!» – охнул про себя Ансель.

– ... вскоре они попытались меня убить. Я сначала подумал, может, это из-за того, что я был на допросе Мамбы и услышал кое-что, чего мне по рангу слышать не полагалось. Но потом начал копать и довольно быстро узнал про мою семью. И тогда все встало на свои места. Видимо, да, они решили, что, раз я больше не на крючке, то лучше не рисковать, я и так слишком много знаю. Возможно, еще подумали, что я захочу отомстить. Ну, тут они не так уж и неправы, – ухмыльнулся юноша. – Я и впрямь хочу отомстить! Ты себе даже не представляешь, как сильно я этого хочу! Отомстить так, чтобы небо рухнуло на землю! И для начала было бы неплохо вышвырнуть их армию вон из Арамантиды, да так, чтобы они убежали обратно, поджав хвост и скуля от страха! Они лишили меня детства, лишили нормальной жизни! А сейчас из-за них я потерял единственных близких мне людей... Веришь? – С надеждой уставился он на Анселя.

– Нет.

Раньше, скорее всего, он бы поверил. Но не сейчас. Ансель уже слишком много раз видел Тайрека в деле – и по собственному опыту знал, как мастерски тот играет. Играет иногороднего соседа по комнате в Сирионе, играет беглеца от несправедливости и притеснения, когда его обнаруживают на «Грозе», играет неумелого механикера, чтобы попасть на летную базу, играет легкомысленного искателя приключений, мечтающего о Седьмом небе и потому пробравшегося на авион, улетающий с секретной миссией...

Одно непонятно – почему Тайрек выбрал его, Анселя? Про Вивьен, его бывшую начальницу в Министерстве труда, все ясно. Про Деллу, адъютанту генерала эр Спата, тоже. Обе давали прямой доступ к важной информации. Но он-то ему был зачем? Тайрек же не мог знать, что юношу из провинциального городка допустят до секретной работы в Конструкторской, он не мог просчитать, что тот полетит на мыс Горн и уж тем более не мог предвидеть миссию на Седьмое Небо!

Ансель даже хотел было спросить, но в последний миг промолчал. Во-первых, вопрос будет звучать жалко, с этакими обиженными нотками: «Почему ты меня обманул?» А во-вторых, сейчас Тайрек опять надеется как-то его использовать и, значит, ни за что не скажет правду.

– Я не просто так говорил тебе в нашу последнюю встречу, что ты – мой единственный настоящий друг, – тихо заговорил Тайрек. – У меня в жизни и так нет почти ничего настоящего. Я уже потерял свою семью – и очень не хочу потерять еще и тебя.

– Сложно не потерять друга, когда тот выясняет, что его постоянно использовали, – не удержался Ансель.

– Я тебя не использовал. Во всяком случае, не в том смысле, какой ты в это вкладываешь. И будь сейчас иная ситуация, я был бы готов потратить сколько угодно времени, чтобы вновь

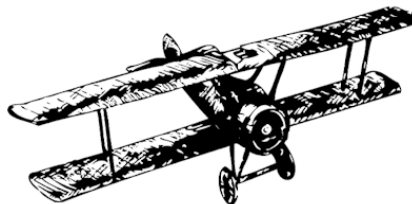
заслужить твое доверие. Но, видишь ли, времени как раз и нет. Пока я работал на Третий континент, я узнал немало тайн и слабых мест Арамантиды. И кое-что из этого обязательно поможет Арамантиде освободиться от захватчиков. Но действовать надо прямо сейчас, не медля! Именно поэтому мне и нужна помощь!

– А я тут при чем? Я – рядовой механикер... которого ты уже и так слишком много раз обманывал.

С этими словами Ансель вышел.

Он не заметил, как во время беседы Тайрек аккуратно вытащил у него из рабочего пояса с инструментами маленькую отвертку.

Глава 5

Первые дни новости о том, что происходит в городе, Агата получала исключительно от мадам эр Кебба, а также из разговоров других постояльцев, исправно спускавшихся к ужину за своей порцией вареной или тушеной капусты.

Именно от них девушка узнала, что враги заняли все ключевые здания города, перекрыли аэродромы и станции, сорвали флаг Арамантиды с ратуши, на здании Министерства полетов растянули свой флаг и убрали с площади Первых Полетов авион. Они же ошарашили ее как-то вечером, рассказав, что армия Арамантиды взята в плен.

– Как? – ахнула Агата. Она-то надеялась, что, когда их войска ступят на землю врага, армия Третьего континента бросится обратно, защищать свою страну.

– Сдали союзники. Так что нет у нас больше армии.

– А это точно? Может, просто дезинформация? – цеплялась за соломинку последней надежды Агата.

– Может. Но проверить все равно не выйдет. И узнать неоткуда, ведь все газеты закрыли.

– Все? – снова ахнула Агата. Мир, в котором больше нет газет, – это нечто невыносимое! Невообразимое!

– Не совсем. Оставили «Вестника Сириона», но переименовали в «Голос Новой Арамантиды», разогнали старый штат, заменили своими репортерами и сейчас публикуют сплошную агитацию за Третий континент и громкие разоблачения грязных преступлений Империи.

– Так, может, все эти разоблачения правда? – подала голос одна из постоялиц.

– Может, и правда, но только как узнать? Кто же нам теперь скажет правду?

Последние слова Агата приняла особенно близко к сердцу. Неправильно это, когда люди не могут узнать, что происходит на самом деле! И когда не находится никого, кто готов это сделать.

– Говорят, все наши министры в тюрьме, а двадцать первого февраля их всех казнят на главной площади, – делились жильцы новыми сплетнями, а Агата слушала – и ей становилось стыдно.

Конечно, вовсе не она виновата в падении Сириона. И все же отчасти девушка приложила к этому руку. Не будь она такой трусихой, пошла бы в Жандармерию, невзирая на ордер об аресте, и сдала бы вражеских агентов. И возможно, от Сегрина и остальных жандармы узнали бы о планируемом вторжении, и тогда Империя смогла бы его предотвратить.

Но нет, собственная шкура оказалась Агате дороже! И благодаря ее малодушию шпионы спокойно продолжали свою разрушительную деятельность. А она им даже помогала! Получала и передавала сообщения, написала разжигающий недовольство репортаж о летных камнях и даже участвовала в атаке на Конструкторскую. И пусть лично она взрывчатку не клала, а просто стояла рядом, но порой бездействие – это такое же преступление, как действие.

А теперь Сирион пал, и Агата чувствовала себя виноватой перед своей страной за то, что верила в худшее о ней и помогала врагам. Она должна искупить свою вину! Должна помочь освободить Арамантиду!

Эта мысль полностью захватила ее. Впрочем, масштаб поставленной цели обескураживал даже такую бесстрашную девушку, как Агата. Что могла сделать она, когда даже авионеры потерпели поражение? Как вообще могла пасть – да еще и так быстро, практически без борьбы – великая Арамантида? Разве их военно-воздушные парады не демонстрировали беспрецедентную мощь Империи? Разве на страже границы не стоит мыс Горн и отважная, способная на любые подвиги героиня Эва лин Монро? Разве одна авионера не стоит двадцати авиолетчиков? Разве покоровшие небо не правят миром?

Ответ напрашивался сам собой: все эти парады, лозунги и стоящие двадцати авиолетчиков героини-авионеры – лишь блестящая мишура, яркая обертка, призванная пустить пыль в глаза соседям. Только жертвой этой пыли, как ни печально, пала и сама Арамантида, поверившая в созданный собственными руками образ и не сумевшая остановить врага... Что теперь со всеми ними будет?

Нет, не так – что же теперь делать?

«Может, написать репортаж?» – думала Агата. Она уже видела, какой огромной силой – и созидательной, и разрушительной – обладает правильно подобранное слово. Если сказать его в нужное время в нужном месте, оно может сотворить чудеса. И Агате очень хотелось стать творцом этого чуда. Поднять народ в едином порыве – и освободить страну от захватчиков!

Мысль была заманчивой, но, увы, бесполезной. Что толку даже от самого ударного репортажа, если его никто не прочитает? Ведь все газеты закрылись.

Разве только выйти на Либерат... Ему не впервой печатать газеты в подполье. Только где их найти? В первый раз они сами на нее вышли, а потом встречу организовывала шеф. Да даже если и удастся выйти с ними на контакт, не факт, что Либерат рискнет пойти против Третьего континента и выпустить свою «Искру». Или – не захочет. Либерат же всегда был против власти; может, сейчас они считают, что новая власть – это именно то, что решит их проблемы.

Нет, с репортажем ничего не выйдет. Но должны же быть другие способы!

Однако на ум ничего не приходило, и Агата слонялась туда-сюда по тесной комнатухе, сходя с ума от безделья и замкнутого круга, в который попала. А потом накатывала тошнота, она склонялась над тазиком, стоящим в углу, – и вспоминала, что, кроме проблем имперского масштаба, у нее есть одна очень личная и очень серьезная проблема.

Ребенок...

Не так, не так все должно было случиться! И дело вовсе не в том, что Агате еще даже нет полных семнадцати. Юный возраст материнства – не трагедия и не конец света. Собственно, дамы нередко предпочитали становиться матерями в молодые годы, чтобы поскорее расправиться с задачей родить детей и спокойно посвятить себя карьере, оставив младенцев на попечение отцов.

И отсутствие мужа – это тоже не проблема, скорее – досадное неудобство. Империя помогала молодым матерям деньгами, а тем, кто не обзавелся супругом, предоставляла места в детских интернатах, где за детьми присматривали квалифицированные джентльмены-воспитатели, пока матери работали.

Если бы не рухнул привычный порядок, Агата бы и не волновалась по поводу беременности. Чуть раньше, чуть позже – это все равно бы произошло. А так будет у нее дочка. Ну или сын, тоже неплохо.

Но сейчас, когда Сирион пал и дни всей Империи, похоже, сочтены, вопрос о том, что ждет ее с ребенком в ближайшем будущем, становился как никогда актуальным.

Каждое утро Агата начинала с того, что подолгу рассматривала свое лицо в небольшом зеркальце, висящем над рукомошкой. Пока она не видела в себе никаких внешних перемен, и это ее изумляло. Грядущее материнство должно ее изменить, не так ли? Во всяком случае, Агата всегда так думала.

И все же, стоя перед зеркалом и разглядывая свое лицо, она видела прежнюю себя. И внутри ощущала себя такой же. И подозревала, что, даже когда у нее начнет раздаваться талия и покруглеют щеки, в душе она останется все той же Агатой, которая любила повеселиться на Ассамблеях и мечтала исправить мир, рассказывая в своих репортажах правду...

«Неужели именно так все и происходит?» – задавалась вопросом девушка. Она всегда думала, что с возрастом и важными жизненными вехами вроде успеха в карьере, свадьбы и появления детей наверняка изменится и она сама: станет мудрее и опытнее и как-то незаметно получит нужные знания, которые помогут идти по взрослой жизни. Но вот она беременна, а ожидаемых внутренних перемен все нет и нет.

Это что же получается – успешная сорокалетняя дама с двумя детьми и высокой должностью в министерстве в душе ощущает себя так же, как когда была шестнадцатилетней девочкой? Такой же беспечной и легкой, такой же мечтательной и смешливой и такой же неуверенной по поводу своего будущего? И вся разница между нею шестнадцатилетней и ею же сорокалетней – это лишь то, что появились морщинки на лбу и умение делать вид, будто она знает ответы на все вопросы? Поразительно!

Сидеть взаперти наедине со своими мыслями становилось нелегко. Надо выйти в город, немного развеяться, заодно и собственными глазами посмотреть на происходящее. Жан-дармерия ее теперь вряд ли ищет; не факт, что при нынешнем режиме она вообще существует. А насчет Сегрина и остальных – шеф, конечно, могла приказать им разыскать Агату, она дама крутого нрава и вряд ли потерпит, что кто-то пошел ей наперекор. С другой стороны, они сейчас наверняка заняты еще больше, чем прежде: захватить город – это одно, а удержаться в нем и полностью взять под контроль – совсем другое. Так что вряд Сегрин и остальные только и делают, что ходят по улицам в ее поисках... Разве только Кирби – по личным мотивам. Может, он говорил правду и она ему и впрямь небезразлична? И сейчас, когда она пропала, он действительно переживает и страдает?

Ловя себя на этих мыслях, Агата невольно злилась за то, что вообще думает о таких глупостях. Кирби ей врал – с самого начала, холодно и расчетливо. А она – дура, если хоть на мгновение допускает, будто он говорил ей правду!

Все, долой глупые мысли! И депрессию. И заточение в четырех стенах. Она идет в город!

* * *

Тристан ждал следующего появления Красного Барона с неподдельным нетерпением, и это несмотря на то, что прошлый и единственный пока визит закончился для авионера болью в ребрах, по которым хорошенько прошлись охранники его врага.

Поговорить не удалось. Когда Тристан, изумленный появлением военачальника Кондора, которого считал мертвым, спросил: «Что значит – *мой* камень?», Красный Барон только зло процедил: «Не прикидывайся, ты и сам прекрасно все понимаешь!»

Но поскольку Тристан ничего не понимал, а Красный Барон отказывался этому верить, все закончилось побоями, и разозленный военачальник Кондора удалился, а авионер снова остался наедине с темнотой и крысами, а также болью и вопросами без ответов.

Как именно Красный Барон выжил, волновало Тристана меньше всего. Выжил – и выжил. Тем лучше, значит, у него будет возможность самому совершить месть.

Впрочем, сейчас было не до мести, куда больше Тристана волновало, что Красный Барон имел в виду под «Верни мне мой камень». Что за «верни»? И почему «мой»? Он про аэролит? Но это же не имеет никакого смысла!

За Тристаном снова пришли уже на следующий день. Только на этот раз охранники привели его не в комнатуху, где происходил первый допрос, а в просторный обеденный зал. Толстые каменные стены украшали стяги и штандарты красно-белых цветов Кондора, потолок

– роспись воздушных батальных сцен, а над огромным камином красовался огромный, в полный рост, портрет Красного Барона. Витиеватая надпись внизу гласила: «Брендаль ферр Лосс, барон Кондора».

«Значит, его зовут Брендаль», – хмыкнул про себя Тристан. Столько лет он преследовал Красного Барона и ни разу не задумался, что не знает его реального имени. Впрочем, зачем знать имя врага?

Сам же Брендаль ферр Лосс, он же – Красный Барон, сидел во главе длинного стола, уставленного яствами в дорогой посуде.

Безмолвные служанки застыли позади. Тристан задержал на них взгляд. Хоть он и знал, что общество Третьего континента отличается от Арамантиды, ему все равно было непривычно видеть дам в роли домашней прислуги; в Империи это был удел джентльменов.

Справа от Красного Барона напряженно выпрямилась на стуле привлекательная русоволосая женщина в нарядном платье. На шее сверкало тяжелое кольцо, в ушах – массивные серьги, в волосах – диадема, на запястьях – браслеты. Казалось, кто-то задался целью нарядить даму, словно ель на Проводы Года, и теперь главная ее задача состояла в том, чтобы украшать интерьер своим присутствием.

«Неужели жена?» – с удивлением предположил Тристан.

До этого момента авионеру ни разу не приходила в голову мысль, что Красный Барон мог быть мужем и даже отцом. Думая о враге, обычно перебираешь в памяти обиды, которые он тебе нанес, и планируешь сладкую месть. Враг для тебя – олицетворение зла, а никак не обычный человек, у которого могут быть семья и дети...

Красный Барон жестом предложил Тристану присесть. Авионер устроился напротив своего врага и, не дожидаясь помощи служанок, наложил себе в тарелку щедрую порцию чего-то аппетитного, ароматного и зажаренного.

– В прошлый раз мы начали наш разговор не с той ноты, – примирительным тоном заговорил Красный Барон. То ли извинялся за последнюю встречу, то ли решил сменить тактику, чтобы добиться своего.

Представить сидящую рядом с ним даму военачальник Кондора даже и не подумал. Такая вопиющая невежливость задела рей Дора; как ни крути, он был воспитан в Арамантиде и просто не мог игнорировать некоторые вещи.

– Мадам, нас забыли представить, – обратился Тристан к даме, – но разрешите мне исправить это недоразумение. Тристан рей Дор, авионер Арамантиды.

Дама подняла на Тристана глаза. Они оказались орехово-зелеными, словно лесное болото, а их взгляд – неожиданно внимательным и пронизательным для жены и уж тем более любовницы. Однако уже в следующий миг она снова опустила глаза, и Тристану лишь оставалось гадать, не почудилось ли ему.

Руку для формального поцелуя дама, разумеется, не протянула. Назвать свое имя тоже не решилась, только вопросительно взглянула на Красного Барона.

– Ну же, ответь нашему гостю! – добродушно кивнул тот.

Ровным, ничего не выражающим тоном дама послушно проговорила:

– Камилия.

– Все, с церемониями покончено? – нетерпеливо осведомился Красный Барон. – Тогда вернемся к делу. Я думаю, мы с тобой оба – здравомыслящие люди. Значит, сумеем договориться. Как считаешь?

Авионер не отказал себе в удовольствии откусить огромный кусок мяса, тщательно его прожевал, и только потом ответил:

– После всего, что между нами было, не представляю, как это возможно.

В глубине души Тристан понимал, что разумнее было бы выслушать врага, ведь, как ни крути, на кону стоит его собственная жизнь, но авионер не желал прислушиваться к доводам

разума. Что бы там ни стояло на кону, будь он проклят, если станет расшаркиваться и лебезить перед убийцей своей сестры.

– А что, собственно, между нами было? – поднял брови Красный Барон. – Воздушные стычки, где ни ты не смог одолеть меня, ни я тебя? Это лишь показывает, что мы – достойные друг друга соперники...

– Да что ты! – процедил Тристан, тут же закипев. – А как насчет крови моей сестры? Это, по-твоему, тоже ерунда?

– Не понял, – нахмурился Красный Барон. – Чьей сестры?

– Моей сестры! Триссы! Это ты сбил ее авион!

– Когда? – еще сильнее нахмурился Красный Барон, и авионер пораженно уставился на него. Неужели тот и впрямь не знает, что Тристан и Трисса брат и сестра? Не знает, что все эти годы Тристан пытался за нее отомстить и именно потому так упорно преследовал военачальника Кондора?

– Несколько лет назад, во время стычки на границе, – неестественно сухим, безжизненным голосом ответил Тристан.

– Я сбил много авионов, – пожал плечами Красный Барон. – И я почти никогда не знаю, кто сидит за штурвалом... Сожалею насчет твоей сестры. Но, сам понимаешь, это война, и смерти неизбежны.

Тристан почувствовал опустошение. Значит, месть, которой он жил все это время, – его собственная выдумка? Красный Барон вовсе не пытался целенаправленно уничтожить ни его сестру, ни его самого, ни близких ему людей?

– Так ты поэтому столь упорно нарывался на схватки со мной? – сообразил Красный Барон. – Хотел отомстить за сестру?

Тристан стиснул зубы и не ответил. Мечь, которой он жил последние годы, мечь, которой он лишился после того, как Ника сбила зепеллин Красного Барона, мечь, которую он снова обрел, только что потеряла изрядную часть своего смысла.

– Хм, а я думал, ты просто хотел помериться силой с достойным противником и потому выбрал меня. Что ж, как я уже сказал, мне жаль, что так вышло.

– Угу, – пробормотал Тристан. Жаль ему, конечно! – Зачем я тебе? – в лоб спросил он.

– Все очень просто, – развел руками Красный Барон. – Ты забрал то, что принадлежит мне, и я хочу это вернуть.

Вспомнив про камень, который требовал от него враг в прошлую встречу, Тристан хмыкнул:

– Твои люди забрали у меня мой аэролит еще тогда, когда напали на пиратский жабль.

– Да при чем тут твой аэролит? – отмахнулся военачальник Кондора. – Я говорю про совсем другой камень!

– Про какой такой другой камень? – не понял Тристан.

Красный Барон шумно вобрал в себя воздух, медленно выдохнул и покачал головой.

– Собираешься и дальше делать вид, что не понимаешь?

– Мне даже и не приходится делать вид, я и впрямь не понимаю!

– Хорошо, давай подыграю, раз тебе так этого хочется, – терпеливо произнес Красный Барон. – Ты недавно побывал на Седьмом Небе. И там с тобой произошло кое-что очень необычное. Разве не так?

Тристан непроизвольно вздрогнул. Никому, даже Нике он не рассказывал о том, кого встретил на Седьмом Небе... Не то чтобы то загадочное, похожее на монкула существо на этом настаивало, просто Тристан сам чувствовал, что об их встрече не стоит никому знать. Откуда же тогда об этом известно Красному Барону? Разве только он сам тоже побывал на Седьмом Небе и потому знал, *кого* там можно встретить...

– Возможно, – коротко ответил авионер.

– Итак, мне нужно то, что ты там нашел.

Тристан понял, что ничего не понимает. Зачем Красному Барону существо с Седьмого Неба? Какую ценность оно представляет? Видимо, немалую, раз Белая Мамба захватила одного такого с собой.

– Я не смог бы отдать тебе это, даже если бы захотел, – наконец произнес Тристан.

– Понимаю, – кивнул Красный Барон. – Я бы тоже не захотел расставаться с таким сокровищем. Я готов к переговорам. И к компенсации. Очень щедрой компенсации. Ты не пожалеешь об обмене.

Тристан молчал. И не потому, что хотел вывести собеседника из себя, а потому, что просто не знал, что сказать.

Красный Барон его молчание понял по-своему.

– Он должен был стать моим! – возмущенно воскликнул военачальник Кондора. – Моим, гром побери! Но ты умудряешься пробраться на Седьмое Небо прежде меня и, разумеется, забираешь его себе!

– Да ничего я не забираю! – вклинился в гневную тираду Тристан. – Я оставил его там, на Седьмом Небе.

Красный Барон уставился на авионера в немом изумлении:

– Ты оставил его там? Как можно было его оставить?

– Ну, для начала, мне не показалось, что он был заинтересован в переезде.

Гневное выражение лица военачальника Кондора превратилось в недоумевающее.

– Ты что, идиот? Показалось ему, вы подумайте! Кто ж его будет спрашивать! Если тебе повезло его найти, ты не раздумываешь, ты хватаешь его покрепче и уносишь с собой!

– Уносишь? Как ты себе это представляешь?

– Как-как... Сунул в карман – и дело с концом.

– В карман? – изумился Тристан.

– А что, он очень большой? – с любопытством спросил Красный Барон.

И тут рей Дор понял, что, кажется, они с врагом говорят о разных вещах.

– Подожди, ты сейчас о чем? – напрямую спросил Тристан. – Что, по-твоему, я нашел на Седьмом Небе?

– Имперолит, конечно!

– Имперолит?

– Да, камень власти! Ты же наверняка его разбудил, когда был на Седьмом Небе!

– Что за камень власти? – не понял рей Дор.

Несколько мгновений Красный Барон изучал Тристана, а затем недоверчиво нахмурился:

– Ты что, действительно не знаешь? Неужели даже легенд не слышал? Хотя... Да, наверное, не слышал – ваша драгоценная Арамантида любит вымарывать из своей истории все, что ее не устраивает. Ну так вот тебе новость: кроме ваших летных камней, в мире существует еще и камень власти. Между прочим, много веков назад его добыл мужчина из *наших* земель! Но ваша женщина его охмурила, хитростью завладела камнем и забрала его в Арамантиду.

Похоже, выражение лица Тристана было довольно красноречивым, потому что Красный Барон только покачал головой и усмехнулся.

– Неужели ты никогда не задумывался, как вышло, что у вас всем стали заправлять женщины? Ведь когда-то все было по-другому!

– Это и так все знают – из-за аэролитов, – нехотя проворчал Тристан. – Авионеры стали основой военной мощи Империи, и...

– И должны были просто остаться особой, элитной военной кастой. Они не должны были забрать в свои руки все бразды правления и уж тем более не должны были из-за одних только пусть даже трижды важных летных камней повсеместно оттеснить мужчин на вторые роли! Догадываешься, что помогло им захватить власть? Понимаешь теперь, благодаря чему ваши

женщины превратили всех ваших мужчин в те жалкие существа, которые сейчас сидят по домам да блеют на танцах?

Тристан молчал. Услышанное было слишком диким и невероятным, чтобы вот так, с ходу, в него поверить.

Военачальник Кондора поднялся и принялся взволнованно ходить вдоль стола и обратно.

– Наше правительство уверено, что имперолит по-прежнему в Арамантиде, скорее всего – в Сирионе. Возможно, именно с его помощью и делают этих ваших монкулов и подавляют малейшее недовольство в народе, стоит ему появиться. Но я считаю, что здесь наши правители ошибаются. Я уверен: имперолита давно уже нет в Империи; будь он у вас на руках, вам не пришлось бы завоевывать провинции, вы бы просто воспользовались камнем власти, который заставляет людей подчиняться своему владельцу. Да что там, будь у вас имперолит, вы бы уже давным-давно пошли на нас войной! И скорее всего, вы бы нас завоевали. – Красный Барон встал рядом с Тристаном и многозначительно покачал пальцем у него перед носом. – Нет, я уверен, что камня власти в Арамантиде нет, просто ваши авионеры его где-то тщательно спрятали. Моя версия – на Седьмом Небе; места надежнее не найдешь. А вот теперь ты там побывал – и разбудил камень.

– Слушай, – устало произнес Тристан, – даже если этот мифический камень власти и впрямь существует и действительно находится на Седьмом Небе, не кажется ли тебе, что я бы, как минимум, заметил такое важное событие, как его пробуждение? И наверное, должен был бы увидеть сам камень?

Красный Барон сложил руки на груди и скептически изогнул бровь.

– А, – понял Тристан, – ты думаешь, что я спрятал имперолит и не хочу им делиться, поэтому и не признаюсь.

– В яблочко! – кивнул военачальник Кондора. – Но, как я тебе уже говорил, в обмен на имперолит я готов тебе дать очень много. Дать тебе то, чего ты никогда не имел и не будешь иметь на своей родине.

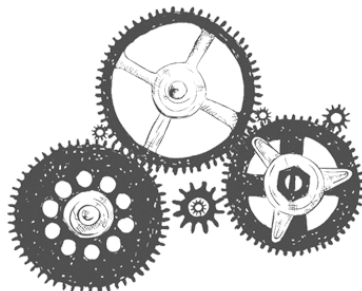
– Заманчиво. Только я не будил никакой камень власти.

– Будил-будил! Кроме тебя, это сделать было просто некому! – Красный Барон отошел от Тристана на несколько шагов, а потом круто развернулся и деловито потер руки. – Давай сделаем так. Тебя отведут в покои – нормальные, достойные покои, – ты отдохнешь, расслабишься и хорошенько подумаешь, что бы ты хотел получить в обмен на имперолит. Я могу тебе гарантировать, что выполню ну практически любое твое пожелание. А завтра вечером за ужином назовешь мне свою цену. Идет?

– Идет, – легко согласился Тристан.

Конечно, никакого имперолита у него не было, но не отказываться же от нормальных покоев? Если тебе подворачивается маленькая радость жизни – бери ее и наслаждайся. И не порти себе настроение размышлениями о последствиях.

Глава 6

Подобраться к заключенным в трюме и уже тем более переговорить с ними оказалось не так-то просто. Винландцы хоть и казались безалаберными и легкомысленными, на деле были не такие уж беспечные. Во всяком случае, охрана возле отсеков с пленниками стояла всегда, и всегда – трезвая и бодрствующая.

Вальди измаялся, пытаясь улучшить удачный момент, и понял, что еще долго может его не дожидаться. Пришлось импровизировать: проникать на корабельную кухню, которую винландцы называли камбузом, заговаривать зубы повару, который звался коком, и, улучив момент, прятать в сухарях, предназначенных пленникам, свернутую в маленькую трубочку записку – по всем правилам конспирации. Вот где пригодился опыт передачи запрещенных вещичек тем активистам Либерата, которые оказывались за решеткой!

На следующий вечер Вальди в указанное в записке время появился в отсеке трюма, где держали пленников, с ведром воды и тряпкой в руках и спокойно сообщил, что по приказу помощника капитана пришел драить полы.

Уверенный тон, помноженный на деловитый вид, – это универсальный ключ, способный открыть не все, но большинство запертых дверей. Оглядев сначала Вальди, а затем ведро с тряпкой, охранники едва заметно пожали плечами и пропустили юношу. А он, оказавшись поблизости от решетки, за которой сидели пленники, шепотом спросил:

– Получили?

– Получили. Среди нас есть надсмотрщица монкулов. Но зачем?...

– Держи, – перебил Вальди, незаметно передал свернутый в трубочку лист бумаги, окунул тряпку в воду и начал шумно полоскать. – Прочитайте, сами все поймете.

Потерев еще немного для виду пол, Вальди забрал ведро и удалился. Теперь оставалось надеяться на то, что все работает как надо: надсмотрщица сумеет воспроизвести на своем свистке команду, описанную в секретном документе; неслышный уху обычного человека звук дойдет до монкулов, которых, не зная, как с ними быть, винландцы просто погрузили в один из отсеков трюма да и оставили там, незапертых, словно обычный груз; а монкулы исполнят эту команду именно так, как описано в документе. Насчет последнего были особенные сомнения...

Вальди вернулся на палубу, ловко скрылся с глаз недовольного помощника капитана, на чем свет клянувшего мертвый штиль, и, спрятавшись среди нагромождений снастей, приготовился ждать.

На небе все ярче горели звезды, зимний ветер становился все холоднее, а на душе все сильнее скребли кошки. В документе Министерства труда было сказано лишь про то, что новую команду испытывали и что она работала. Но там не было ни слова о том, как остановить монкулов, когда все закончится. Подопытных по окончании испытания уничтожили, и юноша гадал – уж не потому ли, что эта команда необратимая и после нее монкул приходит в негодность?

Образ неподконтрольных, не реагирующих ни на какие команды монкулов заставил Вальди почувствовать себя крайне неудобно. Настолько, что юноша уступил своему внутреннему трусу, который соблазнительно нашептывал ему бежать – хотя куда бежать с корабля в открытом море? – и забрался в корзину впередсмотрящего на одной из мачт. В случае успеха страшной команды тут они до него не доберутся. Во всяком случае, не должны. Вряд ли они умеют карабкаться по мачтам, не так ли?

Вальди выждал четверть часа, а потом еще столько же. Внизу, на палубе, жизнь текла как прежде.

«Не сработало», – обреченно констатировал юноша.

Но тут снизу раздался глухой вскрик, и Вальди, торопливо выглянув из корзины, едва сдержал вопль радости: палубу заполнили монкулы.

Сработало!

* * *

Приказы командования, конечно, не обсуждаются, но Ника считала, что отстранение ее от полетов – это глупейшее решение. Кому они этим делают хуже? Да себе же! Когда ближе к вечеру на границе началась новая воздушная атака Третьего континента, девушка могла думать лишь о том, что без «Урагана» или даже куда менее мощной, но очень быстрой «Молнии» сейчас страдают те авионеры, которые отчаянно сражаются с врагом.

Ника стояла на краю обрыва и с досадой смотрела в небо, куда один за другим устремились «подушки» и «гуся», «шпильки» и хорошо знакомые ей авионы Танго. Вот улетела, сверкая белыми крыльями, «Чайка» Мии. Вот высокой свечкой ушел в небо «Ворон» Берты. Вот планирует по широкой дуге желто-голубое «Солнце» Эммы эр Грана, а за ним – белый с полосатыми красно-синими крыльями «Бриз» замкомандира Танго капитана эр Лута. Устремляется вперед огненно-красный «Бросок» полковника рей Хольт... А вдалеке, в невидимом отсюда воздушном коридоре на границе, уже кипит бой.

Ника стиснула кулаки и прикусила нижнюю губу. Судя по отзвукам взрывов, схватка нешуточная!

Где-то час спустя стали возвращаться первые подбитые авионы. С поврежденными хвостами, поломанными крыльями или прошитыми пулями кабинами, они тяжело приземлялись на летные полосы, с трудом тормозили, а порой и вовсе заваливались на бок или утыкались носом в землю.

К ним тут же бежали санитары с носилками, доставали раненую и уносили в лазарет. Если летная машина была не слишком повреждена, одна из оставшихся на базе авионер забиралась в кабину и вырубивала авион на боковую дорожку, под навес, где уже поджидали механикеры. Если же летная машина оказывалась совершенно разбита, монкулы прикрепляли к ней тросы, которые цепляли за грузовые мобили, и те оттягивали авион в сторону, освобождая летную полосу.

Ника огляделась. Вокруг кипела бурная деятельность, она находилась в самом эпицентре, но чувствовала себя совершенно не у дел, словно посторонняя. Одинокая и никому не нужная. Отвратительное ощущение. Даже в тот самый первый день, когда они только прибыли на мыс Горн, Тристана арестовали, а на базу началась атака, девушка чувствовала себя лучше.

В тому же в тот раз она взяла «Грозу» и вступила в бой...

Ника вздохнула. Тогда эта выходка сошла ей с рук. Но если она провернет нечто подобное сейчас, ей несдобровать. Впрочем, даже при желании у нее ничего бы не вышло. И «Ураган», и «Молния» заперты в ангаре, и никто его без приказа не откроет. Но даже если бы кто-нибудь из механикер, например Ансель – а он, пожалуй, мог бы на это пойти, – и рискнул бы снять замок, у Ники все равно не было аэролита. Как и положено по уставу, он находился в хранилище, но

если обычно авионеры могли беспрепятственно их забирать, то ей летный камень теперь могут выдать только по прямому приказу начальства.

... Когда громко пальнула одна из противолетных пушек, Ника вздрогнула. Взглянув в небо, девушка увидела, как в воздухе распустился дымный черный цветок, а через мгновение из него показался вражеский авиолет. Черный.

Девушка вздохнула. Авиолетов смертников становилось все больше и больше! Крылатый черный аппарат заложил крутой вираж и понесся вниз, к земле, совершенно очевидно метя в арсенал.

Ника непроизвольно прижала ладонь к губам. Авиолетчик погибнет, но взрыв арсенала разрушит едва ли не весь сектор базы!

К счастью, не одна только Ника просчитала, куда направлена смертельная атака черного авиолета; одна за другой рывкнули противолетные установки, и один из снарядов достал-таки юркий крылатый аппарат. Авиолет сначала накренился, а затем полетел вниз и рухнул на землю на самом краю обрыва, рядом с летным полем.

Не раздумывая ни секунды, Ника припустила к сбитой машине, краем глаза отметив, что с другой стороны туда же бежит группа вооруженного конвоя. Если авиолетчик каким-то чудом выжил, его арестуют.

Авиолетчик не выжил. До черного аппарата оставалась еще пара сотен футов, но сквозь стекло кабины девушка уже видела безвольно лежащее на приборной панели тело, и вывернутая под неестественным углом шея говорила сама за себя.

Конвойные тоже это поняли и перешли с бега на шаг. Приблизившись к авиолету, откинули крышку кабины, выволокли тело, оттащили в сторону и быстро обыскали. Чувствуя себя немного неловко, Ника бестолково топталась рядом. Взгляд с любопытством прошелся по кабине, по приборной панели – и задержался на прикрепленной в углу фотографии с изображением молодого мужчины с широкими черными бровями, в военной форме и с наградной звездой на груди. Нижний правый угол фотографии пересекала черная полоса...

Ника медленно отступила на пару шагов. Они считали, что авиолетчики-смертники – это холодные, бессердечные люди, готовые выполнить бесчеловечный приказ жестокого начальства, посылающего их на верную смерть. А оказывается, это совсем не так. Оказывается, они шли на смерть по личным причинам – хотели отомстить за гибель близких им людей. Кем приходился авиолетчику этот мужчина с наградой на кителе? Отцом? Старшим братом? Лучшим другом?

В висках застучало, и девушка прижала к ним ладони, стараясь унять боль. Она помнила все летные бои, в которых принимала участие. Самым страшным был даже не первый бой. И не тот, где она потеряла «Грозу». Самым страшным было сражение с зепеллином Красного Барона, когда ее вел всепоглощающий страх за своего наставника. В том бою она рискнула собственной жизнью, лишь бы спасти Тристана!

От пришедшего к ней осознания Ника застыла. Если каждую авионеру, каждого авиолетчика и каждого солдата будет вести вперед не просто чувство гражданского долга перед своей страной, а личные мотивы, такие, например, как месть за близкого человека, то эта и без того уже страшная война станет по-настоящему ужасной. Ведь тогда каждый ее участник будет готов, как авиолетчики-смертники, драться до последнего... До самого конца... И разве этому можно что-либо противопоставить?

* * *

Сирион казался чужим из-за красно-черных флагов и военных патрулей на незнакомых машинах с огромными колесами, но главным образом – из-за изменившихся выражений лиц людей и из-за гнетущей атмосферы вокруг.

Агата шагала по улицам и старалась не показывать, как ей не по себе от заколоченных досками дверей контор, от выбитых тут и там стекол в окнах и от обилия чужой военной формы на улицах. И особенно – от того, что ходили в ней исключительно мужчины.

Разумеется, Агата знала, что в армии Третьего континента нет женщин. А уж после времени, проведенного вместе с Сегрином и остальными, она узнала о вражеском государстве достаточно, чтобы понять, почему Третий континент когда-то назвали Запретным: жителям Арамантиды не стоило знать об обществе, где всем заправляют мужчины, это могло бы заронить в головы их джентльменов опасные идеи.

И все же одно дело – знать и совсем другое – видеть, как это работает в реальности. Прекрасно зная, что на дам на Третьем континенте смотрят сверху вниз, Агата тем не менее кипела от возмущения, ловя на себе взгляды, которыми награждали ее солдаты, и особенно – слыша комментарии, пусть даже и комплиментарные, касательно ее внешности. Они беседовали между собой так, будто девушка ничего не слышала, будто она – неодушевленный предмет. Сегрин и остальные не раз говорили об Агате, не обращая на нее внимания – так, словно ее не было рядом; казалось бы, она должна была немного привыкнуть к такому отношению... Но разве к такому можно привыкнуть?

Агата добралась до центра города, и ее сердце сжалось при виде черно-красного стяга на шпиле ратуши, обгорелых крыш одного крыла Министерства труда и пустого постамент на площади Первых Полетов. А еще в глаза бросились новенькие таблички на стенах домов и фонарных столбах. Красные таблички с черными буквами – и новыми наименованиями улиц, проспектов и площадей. Третий континент делал Сирион *своим*.

В глубине души Агата надеялась увидеть хоть какие-то признаки сопротивления; именно это было главной причиной для пешей прогулки. Не баррикады на улицах, конечно, но хотя бы поспешно написанные на стенах призывы бороться с захватчиками и демонстративно закрытые конторы, не желающие обслуживать врага. Однако ничего подобного девушка не заметила.

«Неужели все смирились? – гадала она. – Неужели приняли случившееся? Но почему? Почему никто не поднимается на борьбу? Не может быть, чтобы во всем Сирионе не осталось людей, у которых хватит пороха сопротивляться! Не могли же они все разом пропасть!»

«Хотя... почему же не могли? – сама себе отвечала девушка. – Люди привыкли полагаться только на авионер, привыкли, что те непобедимы, а значит, им самим не стоит беспокоиться о собственной безопасности. Они разучились бороться и защищаться. Особенно – джентльмены».

От нерадостных мыслей девушку то и дело отвлекали выкрики девочек – разносчиц газет. Точнее, одной-единственной газеты. И по мере того как Агата проходила квартал за кварталом, она узнавала от них все больше и больше новостей.

– Читайте свежий вечерний выпуск! Обращение гранд-маршала ферр Крайга к жителям Сириона! – кричали на одном перекрестке.

– Министр полетов призналась в преступлениях против народа Арамантиды! – зазывали попутателей на углу обувного магазина.

– Спешите узнать первыми! Мыс Горн на грани капитуляции! – доносился звонкий голос с перекрестка, а на противоположной стороне улицы его перекрывал другой:

– Новая власть – за справедливость: джентльмены получают право учиться в университетах!

Отыскав глазами разносчицу, сообщавшую новость про университеты, Агата удивленно хмыкнула – это оказался мальчишка! Никогда прежде девушка не видела мальчишек – продавцов газет. И в том, что именно он кричал о справедливости для джентльменов, было что-то символичное.

Агата смотрела на бойких маленьких продавцов и думала, что эта картина как никакая другая наглядно демонстрирует, что жизнь продолжается несмотря ни на что. Вчера эти

девочки сообщали новости об очередном подвиге мадам лин Монро на мысе Горн, а сегодня – о том, что завоеватели несут справедливость. Что ж, власти меняются, старые газеты закрываются, открываются новые – а кушать людям хочется по-прежнему. И если все, чем ты можешь заработать на жизнь, – это выкрикивать заголовки газет, то ты продолжишь их выкрикивать, какими бы эти заголовки ни были.

... Над входом в Министерство языка и печати растянулся красно-черный флаг, табличка с названием исчезла, зато появился вооруженный караул и новая табличка с загадочной и непонятной надписью «Четвертый временный военный комитет». Интересно, что бы это означало?

Из-за угла выехал мобиль, каких Агата прежде никогда не видела: с необычно длинным капотом, непривычно низкой посадкой, весь сверкающий фарами и многочисленными зеркалами. В Арамантиде таких не делали. Неужели Третий континент привез сюда даже свои мобили?

Агата так засмотрелась на необычный транспорт, что совершенно не обратила внимания на водителя. И только когда мобиль затормозил прямо у входа в загадочный Четвертый комитет и из-за руля вышел молодой мужчина в чужой форме, Агата волей-неволей взглянула и на него.

И беззвучно ахнула. Это был Кирби! Весело улыбаясь, он бросил что-то стоявшим у входа караульным, те ответили, и они все вместе дружно рассмеялись. Кирби легко взбежал по ступеням и скрылся за дверью.

А Агата стиснула кулаки, с ненавистью глядя ему вслед. Значит, вот как он страдает и переживает из-за ее отсутствия? Что и требовалось доказать! Смеется, шутит, разбегается по городу на шикарном мобиле, словно хозяин, пока местные жители отсиживаются в своих домах, а то и вовсе за решетками. Ну уж нет, этого терпеть нельзя!

* * *

Монкулы вели себя необычно; ничего не осталось от размеренных, немного неловких, медлительных движений, делавших их похожими на механические куклы. Сейчас по палубе перемещались существа, которые больше смахивали на хищников: в любой момент готовые к стремительному броску и смертельному удару.

Монкулы хватали винландцев и волокли к корме, не обращая никакого внимания на сопротивление. Если какой-то жертве и удавалось вырваться, то пару секунд спустя она попадала в руки других монкулов.

Проводив взглядом очередного матроса, с пронзительным воплем полетевшего за борт, Вальди едва удержался от ликующего возгласа. Так их! Так!

Винландцы, совершенно не ожидавшие нападения, не смогли организовать достойного сопротивления. Кое-кто, конечно, выхватывал из-за пояса саблю или револьвер и успевал пару раз ударить или выстрелить. Но то, что остановило бы живых людей, не действовало на монкулов, ведь они не испытывали никаких чувств; им было все равно, что их убивают, они продолжали атаковать, послушные полученной команде.

Наблюдая за тем, как монкулы эффективно зачищают корабль от винландцев, Вальди подумал, что было бы очень неплохо проделать то же самое и на других судах – и освободить всю воздушную армию Арамантиды.

Юноша невольно усмехнулся. Какая ирония судьбы! Он, активист Либерата, всерьез размышляет, как помочь тем, против кого он так яростно сражался последние годы, – властям Арамантиды. Впрочем, солдаты и авионеры, запертые в трюмах, – это не власти. Они обычные рядовые люди; не они развязали эту войну, не они придумали обращать преступников в монкулов.

Тем временем палуба превратилась в одно большое поле битвы, заполненное паникующими людьми и равнодушными монкулами. Последние определенно выигрывали благодаря

численности и полному безразличию к своей судьбе. Безучастно и спокойно они шли прямо на дула револьверов и под лезвия сабель – и теснили, теснили людей.

Вероятно, именно это и сломило винландцев. Очень сложно сражаться, если враг наступает, не обращая ровно никакого внимания на опасность, и совершенно не реагирует на самое страшное, что ты можешь с ним сделать, – на смерть. И неважно, скольких ты убьешь, ведь остальные все так же наступают.

И винландцы дрогнули. Перестали отбиваться и отстреливаться и бросились бежать кто куда. Вот только бежать на палубе корабля было некуда. Кто-то нырял в трюм, кто-то прятался под спасательными шлюпками, кто-то взбирался по снастям, кто-то искал укрытия в стоявших на палубе авионах, а кто-то и вовсе сам прыгал за борт – вероятно, в надежде доплыть до соседнего корабля. Шанс последних на удачу Вальди оценивал невысоко: в ледяной воде человек проживет совсем недолго.

Монкулы преследовали убежавших и искали спрятавшихся с упорством охотничьих собак: поднимали шлюпки, проверяли среди нагромождений бочек, ящиков и канатов, заглядывали в кабины авионов, терпеливо ждали у люков, ведущих в трюмы, и стояли, задрав головы, под мачтами, на которые забралось несколько беглецов. Вид неподвижных застывших фигур, готовых ждать свою жертву столько, сколько понадобится, наводил ужас.

Вальди еще раз воскресил в памяти содержимое секретного документа, который он вызубрил наизусть на случай, если потеряет. Там сухим казенным языком сообщалось, что лаборатория Министерства труда разработала специальную команду по уничтожению противника, которая превращала монкула, по сути, в орудие убийства. Команде приписывалась категория запрещенных, ее полагалось держать в строжайшем секрете, и санкционировать применение могли только совместно министр полетов и министр труда. Далее в тексте шла какая-то непонятная формула, составленная из цифр, музыкальных нот и странных значков, – вероятно, описание этой самой команды. Ниже – примечание: «Крайне опасно». Еще ниже: «Рекомендуется к применению только в самом крайнем, чрезвычайном случае».

Выглядело все это так, словно Министерство труда придумало оружие, которое оказалось настолько страшным, что создатели сами его испугались. Однако уничтожить его все-таки не стали, решили оставить на черный день.

Час спустя винландцев на корабле больше не осталось, монкулы замерли, словно статуи – безмолвные и неподвижные, и Вальди решил, что пора спускаться. Во-первых, кто-то же должен стоять за штурвалом, а во-вторых, надо освободить пленников.

Однако, как только юноша выбрался из корзины впередсмотрящего и начал спуск, несколько монкулов, до сей поры неподвижно стоявших неподалеку, подошли ближе к мачте.

«Они что, за мной? – испуганно подумал Вальди. – Но ведь я – свой...»

Да только страшная команда вряд ли несла в себе механизм, с помощью которого монкулы отличали бы своего от чужого. Команды, которые обычно получают монкулы, всегда предельно просты: сесть, встать, идти, помыть, поднять... убить. И сейчас Вальди для них – просто объект, который требуется уничтожить.

От последней мысли юношу пробрала дрожь, и он застыл, размышляя, как ему быть. Как только он спустится на палубу, его ждет та же судьба, что и винландцев, – быть брошенным за борт.

«М-да, я определенно не продумал свой план освобождения до конца», – вздохнул Вальди, глядя на толпящиеся под мачтой существа и невольно вспоминая грошовые романы-страшилки, в которых использовалась популярная тема монкулов, вышедших из-под контроля и убивающих людей. Он и сам их порой почитывал, чтобы пощекотать нервы. А вот теперь сюжет этих романов воплотился в жизнь и в реальности оказался во сто крат страшнее.

Глава 7

Срочный сбор всего личного состава базы рано утром возле штаба живо напомнил Нике тренировки морали и боевого духа, которые совсем недавно, хотя казалось, что уже целую вечность назад, устраивала мадам лин Монро...

Но только сейчас перед толпой появилась не замкомандующая, а генерал эр Спата.

– Сегодня майор эр Мада проведет в Патагоне Церемонию камней, – без предисловий объявила главнокомандующая. – Все служащие летной базы, желающие принять в ней участие, могут отлучиться в город на время Церемонии. Те, кто разбудит летный камень, пройдут курс ускоренного обучения в специально сформированной эскадрилье.

– А смысл? – раздался неожиданный выкрик из толпы.

Генерал оглядела толпу. На многих лицах было написано одно и то же чувство – сомнение. Сирион захвачен, провинции вот-вот присягнут Третьему континенту, дни Арамантиды сочтены. Тогда зачем безнадежная борьба и бессмысленные смерти?

– Мыс Горн много лет хранил безопасность нашей Империи, – напряженным тоном заговорила генерал эр Спата, и ее негромкий голос неожиданно легко разнесся над толпой. – Много лет мы сражались один на один с Третьим континентом. И побеждали! И вот сейчас враг впервые нанес подлый удар, трусливо зайдя нам в спину. Почему он пошел в обход? Почему обогнул полмира на кораблях? Да лишь потому, что боялся схлестнуться с нами в открытом бою. Потому что знал, что сквозь *нас* он не пройдет!

Генерал эр Спата не обладала магнетизмом мадам лин Монро, и все же была в ее словах какая-то особая сила, которая проникала в самое сердце людей – и зажигала их.

Ника почувствовала, как сами собой расправляются плечи, поднимается подбородок. Украдкой оглядевшись по сторонам, девушка заметила, что то же самое происходит и с остальными. Обреченность и сомнения исчезали из взглядов людей, сменяясь гордостью. Гордостью за мыс Горн, частью которого все они являлись.

– Мы долгое время царили в небе и правили миром. Неужели вы считаете, что, раз нас однажды сбили, мы больше не взлетим? Ничего подобного! До тех пор пока жива хоть одна авионера, мы расправляем крылья и поднимаемся в небо! Сирион будет освобожден, а враг – повержен! А до тех пор наша с вами задача – выстоять! И мы выстоим!

Толпа разразилась приветственными криками. Не по команде – по собственному желанию. Ника охотно присоединилась к товарищам по оружию, чувствуя, как вместе с криком вырываются наружу сомнения и страх. Здесь и сейчас Арамантида непобедима!

– Возвращайтесь на свои посты и помните, – напутствовала генерал эр Спата, когда толпа стихла, – вы – это Арамантида, а Арамантида – это вы... Авионеры, прошу вас задержаться.

Неожиданная просьба, высказанная в самом конце, вывела Нику из охватившего ее состояния эйфории. Что происходит?

Оглядевшись, девушка увидела на лицах остальных такое же недоумение и любопытство.

– Многие из вас уже знают, что Тристан рей Дор захвачен врагом, – начала генерал. – По нашим сведениям, он находится в плену в Кондоре, у Красного Барона.

Ника громко охнула. Впрочем, этот звук потонул в едином шумном выдохе авионер. Как это – в Кондоре? Он же остался на Окракоке! А Красный Барон? Она же сбила его зепеллин... Как он выжил? Впрочем, и это неважно. Важно то, что Тристан в плену и вызволить его оттуда будет ох как непросто.

И тут Нику бросило в холодный пот. Генерал сомневалась, снаряжать ли за Тристаном спасательную экспедицию к пиратам, а уж в самое логово врага она ее и подавно не отправит!

– Рей Дор не просто в плену. Он находится фактически в самом сердце вражеских земель, – продолжила главнокомандующая, словно озвучивая худшие опасения Ники. – Именно поэтому я считаю, что не имею морального права отдать кому-то из вас приказ. Однако рей Дор – авионер. Один из нас. А мы своих не бросаем. Мы снарядим спасательную миссию, но только если найдется достаточно добровольцев, и...

Ника не дослушала; после слова «добровольцы» она заработала локтями, пробивая себе дорогу вперед. А когда вышла перед строем авионер, поняла, что она – не первая, там уже стояла Ванесса! Странно, а она-то как тут оказалась? Генерал же попросила остаться только авионер. Впрочем, сейчас это было совершенно неважно, Ника просто обрадовалась, что не она одна готова на это безумство.

Позади раздался шум, и девушка оглянулась, чтобы увидеть, кто еще вызвался добровольцем. Берта! И вид у нее был самый что ни на есть невозмутимый. А затем вперед шагнула... мадам эр Мада!

Ника заметила, как стоявшая в первом ряду майор рей Фол скептически покачала головой, а генерал эр Спата едва заметно нахмурилась. Но мадам эр Мада, похоже, не было никакого дела до их неодобрения; она с независимым видом скрестила руки на груди, словно заявляла: «Только попробуйте меня отговаривать!»

Тем временем все новые и новые добровольцы выходили вперед, и не только авионеры из Танго, но и из других эскадрилий. При виде их у Ники перехватило горло. Она гордилась ими всеми! И гордилась Тристаном: вон сколько людей его уважают и любят и готовы отправиться на его спасение.

Однако среди добровольцев не было авионеры, которую Ника ожидала увидеть одной из самых первых. Не было Мии.

Ника оглянулась, разыскивая ее глазами в толпе. Может, Мия в патруле?

Но нет, та стояла среди других авионер Танго, а заметив недоуменный взгляд Ники, опустила глаза и подалась назад, словно хотела спрятаться.

Ника недоуменно вскинула брови. Что происходит?

– Что ж, – прервала ее размышления генерал эр Спата, – рада видеть среди вас столько неравнодушных к судьбе одной из наших... одного из наших. Благодарю вас всех, но для операции потребуется совсем небольшая группа. Возглавит миссию и займется отбором майор эр Мада.

Речь главнокомандующей прервала появление адъютанты, принесшей ей срочное сообщение. Вид у той был крайне взволнованный, и вскоре такое же выражение появилось и на лице главнокомандующей.

– Как сбежал? – донесся до Ники тихий голос генерала. – Как сегодня ночью? Его же держали под стражей! Привести ко мне караульных!

– Добровольцы, слушаем сюда! – громко объявила мадам эр Мада, отвлекая внимание на себя. – О составе спасательной группы я проинформирую вас всех сегодня за ужином в «деревяшке».

Ника с тревогой уставилась на бывшую директрису. Возьмет ли она ее?

Подошла Ванесса, встала рядом.

– Как думаешь, кого она возьмет? – заговорила она.

«Уж тебя-то наверняка, тебе и волноваться не надо, ты у нее в любимицах», – едва не сказала Ника, но промолчала.

– Я думаю, Черную Берту. И возможно, кого-то из Тени. А вот из Гранита вряд ли, «подушки» в такой операции – не лучший выбор. Ну и тебя, конечно.

– Хотелось бы! – вырвалось у Ники.

– Тут и сомневаться нечего, – фыркнула Ванесса. – Ты же летаешь на «Урагане».

«Да, только мадам эр Мада меня недолюбливает», – возразила про себя Ника.

– А мадам майор – опытный офицер, она никогда не позволит личным приятням или неприятням взять верх над соображениями разума, – словно подслушав ее мысли, продолжила Ванесса. – Интересно, а Мию взяли бы, если бы она вызвалась?

– До сих пор не понимаю, почему она не вышла, – пробормотала Ника.

– Она его просто не любит, – небрежно, словно о чем-то само собой разумеющемся, бросила Ванесса. – Или, во всяком случае, не настолько сильно, чтобы рисковать своей жизнью.

– А ты – настолько? – спросила Ника прежде, чем успела подумать – и удержаться от этого бестактного вопроса.

Лицо Ванессы мгновенно превратилось в ледяную маску высокомерия и аристократического превосходства. Девушка окинула Нику надменным взглядом и молча ушла.

* * *

Едва только Кип услышал о том, что требуются помощники для подготовки зала городской Ассамблеи к Церемонии камней, он тут же предложил свои услуги. Эмма совершенно однозначно дала ему понять, что он не обязан сидеть дома и что ей нравится, когда он вносит свой вклад в общее дело, и это его чрезвычайно окрылило.

Правда, Кипу было по-прежнему непривычно принимать такие решения самостоятельно, не получив разрешения жены. И дело даже не в том, что принимать решения – это, оказывается, не так уж и просто. Куда больше его напрягала появляющаяся с этим ответственность. А что, если он примет неверное решение? Тогда придется не просто признавать свою ошибку, но и исправлять ее. И в следующий раз он будет бояться ошибиться еще сильнее! Кип начинал волноваться от одних только мыслей об этом! Ах, насколько легче было бы, если бы он мог хотя бы посоветоваться с Эммой и получить заверение, что он все делает правильно! Как приятно было бы сложить с себя часть ответственности!

«Неужели дамы постоянно живут с таким давлением?» – размышлял Кип, преисполняясь нового уважения к их нелегкой доле.

Впрочем, в свое время Ансель, когда они обсуждали приглашения на танец, утверждал, что это вопрос практики и привычки. Может, и с принятием решений так же? Чем чаще ты их принимаешь, тем меньше боишься?

На пороге здания Ассамблеи Кип и вовсе оробел и уже почти было передумал и развернулся обратно, но в итоге все же заставил себя зайти внутрь. Сбивчиво объяснил, кто он и зачем пришел, и сдержанная дама с резкими манерами и холодной красотой – майор эр Мада – тут же нагроулила его работой, которую Кип с облегчением принялся выполнять. Приказы – это легко и понятно, и думать не приходится. Расставить столы буквой П, накрыть их скатертями, передвинуть стулья, найти чистую бумагу...

Кип уже заканчивал, когда в холле появилась красивая белокурая дама-механикер, которую он видел на мысе Горн, – Ванесса; она работала вместе с Анселем. Ванесса Кипа узнала и даже дежурно ему улыбнулась. Ее улыбка, впрочем, застыла, когда она увидела в дверях Ассамблеи симпатичную юную шатенку в форме авионеры, позади которой стояли монкулы с тяжелыми саквояжами в руках.

– Ванесса, – напряженно поприветствовала шатенка механикеру.

– Вильма, – сухо кивнула та в ответ. – Ты здесь зачем?

– По распоряжению мадам... то есть майора эр Мада. Привезли камни. А вот *ты* что здесь делаешь?

– Тоже по распоряжению майора эр Мада. Выполняю функции распорядительницы Церемонии камней. Эй, Кип! – отвернувшись от авионеры, позвала Ванесса юношу. – Помоги разложить на столы. – Она указала на саквояжи в руках монкулов.

Юноша с готовностью бросился выполнять поручения, чувствуя себя счастливым оттого, что может быть полезным. Раскрыл первый саквояж – и на миг замер.

Внутри лежали камни. Разумеется, ведь он пришел помогать с Церемонией камней! Да и Вильма только что сказала, что там находится. И все же Кип будто только в этот момент в полной мере осознал, что перед ним – главные сокровища их Империи.

От охватившего его трепета у Кипа задрожали руки. Он бережно достал один из аэролитов и аккуратно понес его к столам, ступая очень медленно, чтобы, упаси небо, не запнуться и не уронить драгоценность.

– Такими темпами ты будешь их раскладывать до конца войны! – беззлобно поддела юношу Вильма и, взяв целую пригоршню камней, быстро разложила их на скатерти.

К тому времени, как все аэролиты переместились из саквояжей на столы, от дверей на улицу уже выстроилась целая очередь дам – и продолжала расти. Похоже, на призыв попробовать разбудить аэролит откликнулись абсолютно все жительницы Патагона!

– Эр Грана! – услышал Кип, торопливо одернул полы тесноватого и потому постоянно собирающегося складками на талии сюртука и подошел к строгой майору эр Мада.

– Сейчас в холл запустят всех кандидатов, которые смогут тут поместиться. Твоя задача – по мере того как будут освобождаться места, запускать новых. Не торопись; если с Церемонии ушла только одна дама, не надо пускать пять новых. Но и тянуть не стоит. Одна ушла – одну запустил. Понятно? Справишься?

Раскрасневшийся от волнения Кип только кивнул. Подумать только, он своими глазами увидит Церемонию камней! Да, не в величественном Министерстве полетов, куда он даже и не мечтал попасть, а всего лишь в холле Ассамблеи небольшого пограничного городка. Но все равно мало какой джентльмен может похвастаться тем, что был свидетелем столь важного события!

Несмотря на спешность подготовки, некоторую скомканность, сумбурность и торопливость, а также отдаленные звуки выстрелов, которые зазвучали со стороны летной базы, Церемония произвела на Кипа сильное впечатление. А уж когда загорались камни, у него и вовсе перехватывало дыхание!

Однако через некоторое время первый восторг поутих, и внимание юноши само собой переместилось на дам, которых он запускал в зал. Будить летные камни пришли все, от совсем юных девушек до дам очень даже солидного возраста, и реакция у каждой была разная. Одни искренне радовались тому, что им удалось разбудить аэролит, и принимали его из рук мадам эр Мада с восторгом и трепетом, а другие только сурово сжимали губы, словно готовились взвалить на свои плечи неприятную, но обязательную ношу. Кого-то неудача расстраивала до слез, а кто-то, пройдя вдоль всех столов, но так и не увидев заветного света от летных камней, с облегчением вздыхал.

Прошло, пожалуй, не меньше двух часов, прежде чем коридор Ассамблеи наконец опустел, а в холле остались только те, кто разбудил аэролиты.

– Уважаемые дамы, – громко обратилась к ним майор эр Мада, – сегодня наша воздушная армия пополнилась несколькими десятками новых авионеров, и это прекрасная новость. От имени Империи благодарю вас всех за исполнение своего гражданского долга. А теперь – к делу. Во-первых, сдайте свои аэролиты распорядительнице Церемонии, – кивнула она на Ванессу. – Камни будут находиться в хранилище на базе и выдаваться непосредственно перед вылетом, это обычная практика. Во-вторых, у вас есть несколько часов, чтобы закончить свои дела, собраться и попрощаться с семьями. Вечером ровно в семь часов жду вас на территории летной базы. С завтрашнего утра вы начнете обучение.

Дамы заторопились по домам, сдавая на выходе аэролиты. Кип и немногочисленные помощники, дотерпевшие до конца этой длинной Церемонии, принялись скатывать дорожки, подметать пол и двигать мебель. Вильма подошла к столам и принялась собирать неразбуженные камни.

– Подержи саквояж, – попросила она Кипа, и он с готовностью откликнулся.

Ванесса тем временем собрала исписанные именами новых авионеров листы и направилась к находящейся на другом конце холла мадам эр Мада.

Чей-то громкий вскрик привлек внимание всех присутствующих. Кип оглянулся и увидел, что одна из помощниц, совсем еще юная девочка-гимназистка, указывает на столы, стоящие буквой П. А там среди спящих камней мягко сиял только что разбуженный кем-то аэролит.

Кип нахмурился. Кто его разбудил? Ведь Церемония закончилась!

Не он один пребывал в недоумении, все остальные тоже озирались по сторонам, пытаясь найти ту, кому удалось пробудить камень.

Напряженную тишину нарушил звонкий стук каблуков – это мадам эр Мада пересекала холл. Она остановилась в паре шагов от Ванессы, которая замерла неподалеку от столов, прижимая к груди стопку листов, и, как и остальные, оглядывалась по сторонам.

– Поздравляю, рей Торн, – ровным голосом произнесла майор эр Мада.

Ванесса подняла на нее глаза – и исписанные листы выпали из ее рук и разлетелись по всему холлу Ассамблеи.

* * *

Уже смеркалось, когда Агата поняла, что ноги буквально сами привели ее к парку Ржавых Каруселей. Девушка замедлила шаг у ограды. Все те же замершие лошадки, все то же колесо обозрения, все те же скелеты деревьев. И бывшая кондитерская, та самая, где ее жизнь перевернулась с ног на голову.

Повинуясь внезапному порыву, Агата оглянулась и, убедившись, что вокруг, как обычно, безлюдно, проскользнула сквозь приоткрытую решетчатую ограду на территорию заброшенного парка.

Внутри бывшей кондитерской все оказалось по-прежнему – разруха, пыль и запустение. Но, толкнув дверь на втором этаже, ведущую в бывший штаб, и щелкнув выключателем, Агата сразу же увидела внутри следы торопливого переезда: почти все документы, схемы и планы, висевшие на стене, исчезли, на полу валялись обрывки бумаги, осколки разбитой кружки и перевернутый стул. Телеграфный аппарат исчез, не было и сушащихся на протянутой из угла в угол веревке фотограмм. Зато стол на месте, а в углу, служившем кухней, по-прежнему стояли кастрюли, сковорода и несколько тарелок.

Заглянув в спальни, девушка убедилась, что там все на месте – и одежда, и подушки с одеялами. В шкафу импровизированной кухни лежали нетронутыми съестные припасы; впро-

чем, оно и понятно – зачем сейчас Сегрину и остальным консервы и крупы, когда в их распоряжении все магазины и рестораны города?

А в одной из тесных комнаток размером с чулан, со скошенной крышей и крошечным «голубиным» окном, так и осталась громоздкая станция радиопередатчика. Вероятно, она была слишком тяжелой для перевозки, и ее просто бросили.

Агата вспомнила, как, увидев ее впервые, она даже не поняла, что это такое; прежде девушка видела только радиоприемники, а вот передатчики встречать не доводилось. Спросить, что это за прибор, Агата тоже не могла, иначе ее фальшивая личина якобы тайного агента зуру тут же вскрылась бы. Но когда девушке наконец удалось выяснить, что массивный механизм – это радиопередатчик, она все же поинтересовалась, почему им не пользуются.

– Телеграфом проще, – пояснил ей тогда Сегрин. – Для телеграфа достаточно шифра; даже если телеграмму перехватят, все равно никто не поймет, о чем она. А вот радиопередачу может услышать любой, кто настроен на ту же волну. Теоретически ее еще и глушить можно, и тогда придется договариваться о новой волне. Да и ретрансляторы порой очень подводят... Нет, радио – вещь, конечно, удобная, но не в нашей работе. Так что оно у нас исключительно на крайний случай.

За все время, что Агата пробыла с агентами, она ни разу не видела станцию в действии, даже и не подходила к ней. И сейчас девушка с любопытством рассматривала приборную панель. Кнопки, рычажки и диски, антенны, наушники и микрофон...

Неясная мысль, преследовавшая Агату с самой первой вылазки в город, наконец обрела форму. На первый взгляд совершенно безумную, и все же... А что, если вместо газеты использовать радио? Приемники есть во многих заведениях и учреждениях, да и в частных домах они не редкость. Если прочитать текст по радио, его услышат очень многие! И как удобно! Не нужна ни типография, ни газета, согласная напечатать репортаж, ни люди, чтобы распространить ее по городу. И, в отличие от газеты, никто не сможет проследить, откуда идет передача.

Агата почувствовала, как ее охватывает азарт. Кажется, она нашла идеальный способ говорить с людьми – эффективный, надежный и безопасный.

Впрочем, несмотря на все восторги, девушка быстро поняла, что все это, конечно, хорошо, но прежде ей нужно разрешить одну немаловажную проблему. Как работает радиопередатчик? Сумеет ли она вообще его включить и уж тем более настроить?

Агата подошла поближе к аппарату.

Над четырьмя одинаковыми маленькими черными рычажками было написано: «Переключатель установки частоты». Над пятью белыми кнопками – «Переключатели работы режимов». Над разноцветными рычагами – совершенно загадочные «Ан. выкл.», «25 % вкл.» и «100 % вкл.». Рукоять в продолговатой прорези, вдоль которой слева шли красные насечки и цифры от единицы до десяти, справа – буквы, а над ними – многообещающая надпись «Связь». И наконец, пожалуй, единственные сразу ясные надписи над двумя кнопками: «Питание вкл.» и «Питание выкл.».

С них Агата и начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.